

ВЛАДИМИР СОРОКИН

18+

Владимир Сорокин

Норма

«Издательство АСТ»

1984

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сорокин В. Г.

Норма / В. Г. Сорокин — «Издательство АСТ», 1984

ISBN 978-5-17-120766-3

Золотые руки переплавлены, сердце, подаренное девушке, пульсирует в стеклянной банке, по улице шатается одинокая гармонь. Первый роман Владимира Сорокина стал озорным танцем на костях соцреализма: писатель овеществил прежние метафоры и добавил к ним новую — норму. С нормальной точки зрения только преступник или безумец может отказаться от этого пропуска в мир добропорядочных граждан — символа круговой поруки и соучастия в мерзости. “Норма” была написана в разгар застоя и издана уже после распада СССР. Сегодня, на фоне попыток возродить советский миф, роман приобрел новое звучание — как и вечные вопросы об отношениях художника и толпы, морали и целесообразности, о путях сопротивления государственному насилию и пропаганде. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120766-3

© Сорокин В. Г., 1984
© Издательство АСТ, 1984

Содержание

Норма	9
Часть первая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Владимир Сорокин

Норма

Бориса Гусева арестовали 15 марта 1983 года в 11.12, когда он вышел из своей квартиры и спустился вниз за газетой. Возле почтовых ящиков его ждали двое. Увидя их, Борис остановился. Справа от лифта к нему двинулись ещё двое. Один из них, худощавый, с подвижным лицом, приблизился к Гусеву и быстро проговорил:

– Гусев Борис Владимирович. Вы арестованы.

Гусев посмотрел на его шарф. Он был серый, в белую клетку. Худощавый вынул из руки Гусева ключи, кивнул в сторону лестницы:

– Прошу.

Гусев стоял неподвижно. Двое взяли его под руки.

– Ордер... – разлепил побелевшие губы Гусев.

– Ордера на арест и на обыск будут предъявлены вам в вашей квартире.

– Предъявите сейчас, – с трудом проговорил Гусев.

– Борис Владимирович, – улыбнулся худощавый, – пойдёмте, не тяните время.

Гусева подтолкнули к лестнице. Он пошёл, еле передвигая ноги.

Двое прошли вперёд, двое и худощавый двинулись за Гусевым.

– У вас всегда так мочой воняет? – спросил худощавый. – Бомжи ночуют?

Гусев двигался, не отвечая. Он был бледен.

Поднялись на третий этаж, вошли в квартиру Гусева. Худощавый снял трубку телефона, набрал номер:

– Юрий Петрович, всё в порядке. Да.

Гусев стоял посередине своей единственной комнаты, сплошь заваленной книгами. Четверо стояли рядом.

– Присаживайтесь, Борис Владимирович, – посоветовал худощавый.

– Предъявите ордер... и вообще... документы.

– Минуту терпения. – Худощавый закурил.

В дверь позвонили.

– Откройте, – приказал худощавый.

Дверь открыли. Вошли участковый и полноватый человек с пшеничными усами.

– Следователь КГБ Николаев, – представился он, не глядя на Гусева. Достал из папки два листа, протянул Гусеву: – Ознакомьтесь.

– Садитесь, Гусев. – Худощавый подвинул расшатанный стул.

Гусев смотрел в бумаги, держа их в обеих руках.

– Товарищ лейтенант, – обратился полноватый к участковому, – организуйте нам понятых.

Участковый вышел.

– Ознакомились? – Николаев забрал бумаги у Гусева. – Дело ваше веду я. Сейчас придут понятые, мы произведём у вас обыск. Параллельно начнём наш разговор. Садитесь, Борис Владимирович, что вы стоите, как в гостях.

Гусев опустился на стул.

Вскоре появились понятые: пожилая женщина в зелёной кофте и молодой человек с толстой шеей.

– Товарищи понятые, – Николаев снял пальто, – мы – сотрудники Комитета государственной безопасности. Гражданин Гусев, проживающий в этой квартире, арестован. Мы просим вас присутствовать во время обыска. Представьтесь, пожалуйста, и присаживайтесь. Валера, организуй им место.

Худощавый сбросил лежащие на диване книги и журналы на пол.

– Комкова Наталья Николаевна, – громко произнесла женщина.

– Фридман Николай Ильич, – пробормотал молодой человек.

Они сели на протёртый диван. Худощавый опустился рядом, достал из «дипломата» бланк, подложил под него подвернувшийся журнал «Америка», положил на «дипломат» и стал писать.

– Я свободен? – спросил участковый.

– Да. Спасибо. – Николаев сел за стол, раскрыл папку, вынул ручку с золотым пером.

Участковый вышел. Пока худощавый вполголоса опрашивал понятых, Николаев зашлепестел бумагами:

– Так. Гусев Борис Владимирович. 1951 года рождения. Где вы родились?

– Я не буду отвечать на ваши вопросы, – проговорил Гусев.

– Вы обязаны отвечать на мои вопросы. Это во-первых. А во-вторых, это в ваших интересах.

– Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы.

Николаев отложил ручку.

– Напакостил, а отвечать не хочет, – проговорила вполголоса женщина и посмотрела на худощавого. Он записывал её адрес.

– Я предлагаю вам добровольно предъявить антисоветскую литературу.

Гусев молчал, глядя на свои руки. Николаев подождал, трогая фигурку тиранозавра на столе Гусева, потом встал, подошёл к кровати, приподнял матрац, вынул толстую картонную папку:

– Ваше?

Гусев молчал. Николаев положил папку на стол, развязал тесёмки, открыл:

– Запиши, Валерий Петрович. Первым номером. Папка серого картона. Содержит... 372 машинописных листа. Название «Норма». Автор не указан. Первое предложение: «Свеклушин выбрался из переполненного автобуса, поправил шарф и быстро зашагал по тротуару». Последнее предложение: «– Лога мира? – переспросил Горностаев и легонько шлёпнул ладонью по столу. – А когда?»

– Как... товарищ майор? – переспросил худощавый.

Николаев повторил.

– Номер два. – Николаев подошёл к нижним полкам, вынул два тома энциклопедического словаря, бросил на пол, сунул руку в образовавшуюся брешь, достал книгу в мягком переплёте: Александр Солженицын. «Архипелаг ГУЛАГ». Том третий. Издание «ИМКА-Пресс». А первые два вы отдали позавчера Файнштейну. Так?

Гусев молчал. Николаев положил книгу рядом с папкой. Зазвонил телефон. Николаев снял трубку:

– Да. Да, Василий Алексееч. Нашли. Почему? Нет, всё так и было. Сейчас? – Он засмеялся. – Не терпится? А... понятно. Пожалуйста, нет проблем. Ты у себя? Организуем.

Он положил трубку, взял папку:

– Серёжа, отвезишь это Носкову. Потом сразу сюда.

Оперативник в очках взял папку, вышел из квартиры, спустился по лестнице. Рядом с подъездом стояли две чёрные «Волги». В кабине одной сидел шофёр. Оперативник сел за руль второй машины, положил папку на сиденье справа, завёл мотор и, резво развернувшись, вырулил на Ленинский проспект. Асфальт был мокрый; грязный, рыхлый снег лежал по краям дороги. Неяркое солнце вышло из-за туч, заблестело на очках оперативника. Он проехал через центр, развернулся на площади Дзержинского, обогнул здание КГБ и остановился. Взял папку, вышел из машины, вошёл в ближайший подъезд. Предъявив удостоверение, поднялся на лифте

на четвёртый этаж, прошёл по коридору, открыл дверь кабинета № 415. За письменным столом сидел лысоватый человек в синем костюме.

– Разрешите, товарищ полковник?

– Ага. – Сидящий протянул руку. Оперативник вошёл, передал папку.

– Как там? – спросил лысоватый, развязывая тесёмки папки.

– Всё нормально.

– Истерик не закатывал?

– Нет пока, – ухмыльнулся оперативник.

Полковник стал листать рукопись:

– Ладно. Идите.

Оперативник вышел. Сидящий снял трубку, набрал номер:

– Виктор Иванович, это Носков. Папка у меня... Хорошо.

Он положил трубку, взял папку, вышел из кабинета, на лифте поднялся на шестой этаж, вошёл в приёмную. Там сидели две секретариши.

– Носков, – сказал лысоватый.

Секретарша сняла трубку:

– Виктор Иванович, Носков. Проходите, – кивнула она Носкову.

Он вошёл в кабинет. За столом сидел седой человек в сером костюме с моложавым лицом. Носков подошёл, протянул папку.

– Всё здесь? – спросил седой, принимая.

– Всё, Виктор Иванович.

– Есть.

Носков вышел. Седой набрал номер на панели селектора.

– Слушаю, – ответил женский голос.

– Котельников. Пётр Сергееч на месте?

– Минуту.

– Елагин слушает, – ответил мужской голос.

– Здравствуйте, Пётр Сергееч. Котельников говорит.

– Приветствую, Виктор.

– Рукопись у нас.

– Отлично.

– Я отдам на ксерокс, и через полчаса можете присылать курьера.

– Виктор, ему нужен оригинал.

– Это невозможно. Рукопись изъята на обыске, занесена в протокол. Выносить из здания нельзя.

– Ну... а как тогда?

– Пусть приезжает к нам.

– Ты думаешь?

– А какая разница?

– Ну... можно попробовать. Тогда вот что: я пошлю за ним своего шофёра, он его вам доставит.

– Когда?

– Да прямо сейчас. Тут ехать-то пять минут.

– Хорошо. Мы на вахте встретим.

Он дал отбой и набрал другой номер.

– Мыльников, – ответил мужской голос.

– Ну всё.

– Приедет?

– Да. Встречать его через десять минут.

– Понял.

Котельников дал отбой.

Минут через двадцать в его кабинет вошёл мальчик лет тринадцати в синей школьной форме.

– Так быстро! – засмеялся Котельников, вставая.

Мальчик остановился посередине кабинета и посмотрел на Котельникова.

– Виктор Иванович, – протянул ему руку Котельников.

Мальчик молча смотрел ему в глаза.

– Значит... – кашлянул Котельников, отводя глаза и убирая руки за спину. – Вот. Садись за мой стол. Читай. А я... пойду пообедаю.

Он вышел.

Мальчик сел за стол, развязал тесёмки папки, открыл:

Норма

Часть первая

Свеклушин выбрался из переполненного автобуса, поправил шарф и быстро зашагал по тротуару.

Мокрый асфальт был облеплен опавшими листьями, ветер дул в спину, шевелил оголившиеся ветки тополей. Свеклушин поднял воротник куртки, перешёл в аллею. Она быстро кончилась, упёрлась в дом. Свеклушин пересек улицу, направляясь к газетному киоску, но вдруг его шлёпнули по плечу:

– Здорово, чувак!

Он обернулся. Перед ним стоял Трофименко.

– Ёоооо-моё... – брови Свеклушина поползли вверх, – Серёга?!

– Он самый! – Сияющий Трофименко протянул руку.

– Слушай, слушай, да как же ты... откуда?! – Свеклушин тряс его кисть.

– Оттуда! Оттуда, Сашок!

– Но, постой, чего же ты... ёпт... чего ж не позвонил? Не заезжал?

– А я только приехал. С вокзала. Вещи в камере хранения.

– Постой... ты в командировку или так?

– Вообще-то просто так, но в сущности – по делу. Меняться хочу.

– Ёпт! Ну, деятель! Потолстел ты... разъелся, что ли?

– У нас разъешься...

– Но ты постой, а как же, а Нина?

– Что – Нина? Нина – все путём. Живём, работаем. Детей растим. Сашке два, Тимке уже восьмой.

– Тимке? Восемь? Ё-моёё! Восемь! Я ж его недавно на руках таскал!

– Теперь не потаскаешь. Пухлый стал. Жиртресина.

– Ну... слушай, Серёга, ну ты погоди, расскажи, как там у вас, как Пал Егорыч, как Сенька?

– Да всё в порядке. Пал Егорыч всё там же. Тянет.

– Главным инженером?

– Ага. Семён запил что-то. Взыскание у него. С женой чуть не разошёлся.

– Ёпт! Чего эт он?

– Сам не знаю. Вроде и не пил никогда особо. Так, как все...

– Дааа... надо же. Талантливый парень такой. Слушай, ну, давай сядем, что ли, чего стоим как мудаки... иди сюда...

Они перешли улицу и сели на лавочку у входа в аллею.

Свеклушин смотрел на Трофименко, качал головой:

– Дааа... надо же. Встретились. Но ты вообще-то гусь тот ещё. Не звонишь, не пишешь...

– Саш, это не от меня зависит. Я ж по полгода в командировках. Мотаюсь как чёрт.

– Все равно. Пару строчек написал бы. «Жив, здоров, привет родителям».

– Да я писал.

– Когда писал-то?

– Да писал... что ты прямо... писал.

– Ну и жопа ты всё-таки! – Свеклушин рассмеялся, хлопнул Трофименко по плечу. – «Писал»!

Трофименко вытащил папиросы:

– Будешь?

– Не. Не хочу.

– Ну, а у тебя как?

Свеклушин вздохнул:

– Всё по-старому. Верка авиационный кончает.

– Заочный?

– Ага. Серёжа в седьмой пошёл.

– Как учится?

– Так себе. Чего-то никак за ум не возьмётся. Побренчать, маг послушать.

– Ясно. Ну а на работе как? Как с Сидоровым?

– Хреново.

– Давит?

– Ага. Я уходить хочу от них. Надоело.

– А куда?

– В техникум. Преподавателем.

– Технологию?

– Ага.

– Ну что ж, тоже интересно. – Трофименко курил, перехватив папироску возле самой головки.

– А главное – рядом. В Черёмушках.

– Ну так сам Бог велит. Уходи, конечно.

Свеклушин положил портфель на колени, улыбаясь, вздохнул:

– Да, Серёга, Серёга. Морщины вон у тебя. Надо же...

– Ну и чего странного? Нормально.

– Чего ж нормального? Мастер спорта по самбо, тридцать пять лет.

– Да у тебя тоже, кстати, морщин хватает. Так что не расстраивайся шибко на мой счёт.

Береги нервные клетки.

Засмеялись.

Свеклушин шлёпнул Трофименко по коленке:

– Вот что, деятель. Давай мотай на вокзал, забирай свой угол и дуй к нам. Живо. А я щас Верке звякну, чтоб сварганила что-нибудь. Она, поди, дома уже. Давай быстро.

Он встал, но вдруг вспомнил:

– Только вот погоди-ка. Норму сжую щас, чтоб домой не тащить. Хорошо, что вспомнил.

Он сел, раскрыл портфель.

Трофименко курил, стряхивая пепел на асфальт.

– Где она?.. Ага, вот.

Свеклушин вытащил упакованную в целлофан норму.

– Ух ты. – Трофименко потянулся к аккуратному пакетику. – Смотри, какие у вас... А у нас просто в бумажных упаковках таких. И бумага грубая. И надпись такая, оттиснутая плохо, криво. Синяя такая. А у вас, смотри-ка, во как аккуратненько. Шрифт такой красивый...

– Столица, чего ж ты хочешь. – Свеклушин разорвал пакет, вытряхнул норму на ладонь, отщипнул кусок и сунул в рот.

Трофименко потрогал норму:

– И свежая... во мягкая какая. А у нас засохшая. Крошится вся... организаторы, бля. Не могут организовать...

– А вы написали бы куда надо. – Свеклушин жевал, периодически отщипывая.

– Написали, бля! – Трофименко швырнул папиросу, придавил ногой. – Не смейся, Саша.

– Не помогает?

– Да конечно. Всем до лампочки. А потом, говорят, почему периферия тянет слабо? Смешно. Сказка про белого бычка. Везут, везут опять пакеты эти. А там шуршит засохшая, лежалая. Норму уж могли бы наладить. Странно это всё...

– Дааа... много у нас ещё этой несуразицы. – Свеклушин сунул в рот последний кусочек, скомкал хрустящий пакетик, хотел было швырнуть в урну, но Трофименко остановил: – Дай мне, не выкидывай. Жене покажу.

Он разгладил пакетик, спрятал в карман.

Встали.

Трофименко поправил фуражку, Свеклушин – шарф. Секунду разглядывали одежду друг друга.

Трофименко шмыгнул носом:

– Саш... а вот если такую куртку достать? Трудно?

– Да не то чтоб очень... но это чешская. Тоже дефицит.

– Ну я переплачу там сколько надо, деньги есть, а? Как?

– Да можно попробовать. У Верки продавщиц много знакомых. – Свеклушин переложил портфель в левую руку, вздохнул: – Попробуем. А щас ты, Серёг, дуй на вокзал. Забирай вещи. Адрес помнишь?

– Ну ещё бы...

– Ну и чудесно. Беги. Чтоб через полчаса – у нас. Усёк?

– Усёк. – Трофименко улыбнулся.

– Давай. Ждём. – Свеклушин кивнул, повернулся и бодро зашагал прочь. Трофименко улыбался и смотрел ему вслед.

Радужкевич убавил огонь, шоколадная пена какао стала подниматься медленней.

Как только она доползла до края кастрюльки, он выключил газ и стал помешивать какао ложечкой.

– Пап, смотри, цирк передают! – закричала из комнаты Света.

Не отвечая, Радужкевич снял кастрюльку с плиты, налил какао в чашку, сел.

– Акробаты, пап!

Он распечатал норму, вывалил в глазурованную чашку, достал из холодильника банку баклажанной икры, открыл, ложкой стал класть на подсохший брикетик нормы.

– Перелетают, пап!

Радужкевич ложкой перемешал норму с икрой, нарезал хлеба.

– Во, пап! Одновременно трое!

Он стал намазывать получившуюся массу на хлеб.

– Кувырки прямо в воздухе!

Всей массы хватило на семь бутербродов.

Радужкевич помешал какао, отхлебнул, взял первый бутерброд, откусил.

– А тётя через ноги вылезла, пап!

– Да бог с ней... – еле слышно пробормотал Радужкевич, прихлебывая какао.

Стуча когтями по полу, подошёл Генри, ткнулся чёрной мордой в колени.

Радужкевич дал ему кусок сахара.

Генри звучно разгрыз его, роняя крошки на пол, подобрал их и, облизываясь, посмотрел на хозяина.

– О, вёрстка пришла. – Тумаков посмотрел через Олино плечо, отхлебнул из стакана. – Чего ж ты молчишь, нимфа?

– А ты что, торопишься? – Не глядя на него, Оля сортировала полосы вёрстки.

– Предположим.

– Вот и не выйдет ничего. Тебе за Морозова придётся вычитывать. Держи! – Она протянула ему ворох листов.

– Постой, постой, в честь чего это? – Тумаков поставил стакан, взял вёрстку. – Как за Морозова? А он где?

– Слиял куда-то.

– А Васнецов?

– Отпустил, конечно. Они ж друзья-приятели...

– Ни фиги себе. – Тумаков взял вёрстку, сел в кресло рядом с Олиным столом. – Ну, мороз – мороз, не морозь меня... надо же. А я думал в пять смыться.

– Теперь до шести – минимум.

– Да. Вообще, убегать, когда вёрстку подписываем, – свинство.

– Это ты ему говори.

– Говори – не говори... одна каша...

Тумаков достал из пиджака ручку, замолчал, вчитываясь.

Оля выглянула в коридор:

– Комар! Сергей Львович! Вёрстка пришла!

– Идууу – разнеслось по коридору.

Комаров вбежал через минуту, протянул руку:

– Гив!

Слюня пальцы, Оля отсчитала ему:

– Это твой разворот... и рассказик тоже твой...

– Моё, моё, всё моё.

Комаров взял листы и двинулся, читая на ходу. Входящий Бронштейн отшатнулся от него:

– Лёшенька, смотри под ноги...

– Извиняюсь, Сергей Львович...

Оля сложила вместе три разворота, протянула:

– Сергей Львович.

– Аха. – Бронштейн поднёс лист к глазам. – Ух ты, это что ж так глухо встало?

– А что вы хотели?

– Ну, я думал, воздух над заголовком будет.

– Никакого воздуха, всё в норме.

– Хорошо.

Бронштейн вышел.

Шамкович заглянул, постучал согнутым пальцем о косяк:

– Здесь, говорят, вёрстку дают?

– Дают. У тебя что?

– Водорезова там, полтора разворотика.

– Где же это?.. – листала Оля.

– С семнадцатой, кажется...

– Вот. Держи. И побыстрей, Сань, если можно.

– Бу здэ...

Шамкович скрылся.

Оля разложила на столе оставшиеся листы:

– Это Коткову, шахматы... так. А это что? Барановские, что ль? А где Баранов? Баранов! Где ты?

– Он обедает, – поднял голову Тумаков.

– Отложим. Так... И что, всё? А где же обложки? Не дали? Когда же они дадут?

Тумаков пил чай, читал вёрстку.

Оля встала, потянулась:

– Оооо, господи... целый день согнувшись.

– А ты разогнись.

Она снова села, выдвинула ящик в тумбе стола:

– Норму вот никак не осилю.

– А ты осиль.

Оля вынула пакетик, на котором лежали остатки нормы, стала отщипывать и есть:

– Целый день клюю её, всё не доклюю...

– А ты доклюй.

Тумаков допил чай, отодвинул стакан.

Ярцев опоздал на десять минут – круглые часы на серебристом столбе показывали седьмой час.

Славка и Сашка ждали его на углу возле будки сапожника.

– Здорово. – Ярцев протянул руку. – Зашил я немного...

– А мы уж думали, опять продинамишь. – Славка вяло пожал её.

– Витька-динамист... – ощерился Сашка, сдал Витькины пальцы. – Наше вам, ударник-передовик... Что эт ты деловой такой? Торчишь?

– Торчу, бля. Со страшной силой. – Витька достал сигареты, протянул.

Закурили. Витька выпустил дым, сплюнул:

– Ну чего молчите? Мне, што ль, опять бежать?

Славка с Сашкой рассмеялись:

– Деятель, бля!

– Деловой, дымится аж...

– А чего, купили, что ль?

Славка укоризненно покачал головой:

– Да, Виктор Кузьмич. Плохо вы о нас думаете. Недооцениваете.

Он распахнул пальто. Во внутреннем кармане торчала бутылка водки.

– Японский бог... – Витька хихикнул. – Ну, молчу!

– Вот-вот. Помалкивайте, Виктор Кузьмич. И гоните хруст с полтиной.

Витька отсчитал деньги, сунул Славке:

– Где будем?

– Да где угодно. Хоть здесь.

– Давай за домом.

– В скверике?

– Ага.

– Ну, пошли.

Обогнули дом, прошли через детскую площадку.

В скверике двое распивали красное, а один лежал на лавке и спал.

Прошли мимо. Сашка качнул головой:

– Самоушийцы, бля... Лучше уж политуру, чем «Плодово-ягодную».

Сели на лавку.

Славка открыл, Сашка раздал по плавленому сырку.

– Таак... – Славка щелчком сбил со скамейки окурок. – Ну что, давай, Саш.

Сашка отпил, передал Витьке. Витька приложился было, но вдруг отстранился:

– Ой, Оля... У меня же норма. Пей, Слав...

Он передал бутылку Славке, вытащил из кармана норму, разорвал пакет.

– Ты что? – удивлённо смотрел на него Славка, держа перед собой бутылку.

– Ничего...

– И что, вам тоже положено?
– А как же? По сто пятьдесят. Чего, не знал?
– Не-а... – Славка отпил из бутылки. – Фууу... а когда надумал?
– Надумал и надумал. – Витька разломил норму пополам и стал жевать, попеременно откусывая от двух кусков. – Когданибудь и ты надумаешь.
– Да ну на хуй. – Славка протянул ему бутылку. – Пей.
Витька дожевдал норму, запил водкой.
Проглотили по сырку.
Сашка пустил бутылку в кусты.
– Дааа, Витёк, смотри-ка. – Славка глядел на Витьку.
– Фантазмагория, бля. – Сашка рыгнул, встал, подкинул скомканную фольгу от сырка и ловко пнул.
Серебристый комочек описал дугу и пропал в куче опавших листьев.

Кот обнюхал сосиску, поднял голову и мяукнул.
– Ешь, ешь, Синус. – Алексей Кириллович стоял над ним. Кот снова мяукнул, качнул хвостом и отошёл, понюхал давно не мытый паркет.
– Да ты что? – Алексей Кириллович присел на корточки. – Ты что? Совсем обнаглел?! Сосиски не ешь?

Кот потёрся о его ногу, прошёл под ним.
– Обнаглел. Но рыбы нет. Нет рыбы. Не жди.
Кот побрёл на кухню.
Кряхтя, Алексей Кириллович подхватил блюдечко с сосиской, встал, зашаркал следом:
– Да, брат. Распустился. Обнаглел. Нет, хватит разносолов. Что я, то и ты. Отныне так.
На кухне кипел чайник и варилась картошка.
Синус подошёл к холодильнику, оглянулся на хозяина и мяукнул.
– Нет. Ничего, кроме сосисок, нет. Не жди.
Алексей Кириллович поставил блюдечко в угол, выключил чайник. Бросил в заварной три ложки чая, залил кипятком, накрыл грязным, вчетверо сложенным полотенцем.
Кот понюхал сосиску, взобрался на стул и лёг.
Алексей Кириллович потыкал ножом картошку:
– О'кей.
Выключил, неловко слил кипяток и поставил открытую кастрюлю на стол.
Сторонясь пара, положил на тарелку картошек, выловил там же сосиску.
Синус дремал, шевеля бровями.
Алексей Кириллович достал из холодильника масло, отвалил от двухсотграммового куска добрую половину, кинул на картошку.
Сел, взял вилку и стал есть.
Кот приоткрыл глаза, приподнялся и мяукнул.
– Нет уж, брат. Вон в углу тебе. И, между прочим, то же самое. Ну, а картошка пища не твоя... ммм... наши бедные желудки – удки, удки... да...
Синус смотрел на него, выгнув спину.
Алексей Кириллович макал дымящиеся кусочки сосиски в плавящееся масло и отправлял в рот, под редкие седые усы:

– И считали мы минутки-утки-утки... да. Были минутки. Вот мmmm. Синус – косинус. Тангенс... ммм... котангенс... Унд всё былое. Я вспомнил вас... ммм... энд все былоэ. Былоэ. Рэмэмбэ юу энд ёо уандэфул айз. Ты знаешь... м... что такое... это... ммм... проварилось дай боже... не знаешь, какие бывают уандэфул айз. У твоей покойной хозяйки уоз лайт грин. Немного похожие на твои... слушай... а что ты так на меня смотришь? Неужели завидуешь?

Картошке?! Господи, Синус! Это не так вкусно, как кажется... особенно для котов... ну вот... раз... и всё...

Он проглотил последний кусок, отодвинул тарелку, хлопнул в ладоши, потер:

– Чайку-с, господа! Не угодно ль?

Кот отозвался жалобно.

– Чай тоже не твоя стихия.

Алексей Кириллович встал, снял с чайника полотенце, налил чая в немытую чашку, бросил кусочек сахара:

– Не боле. Зачем же боле? Чего же боле? Мой друг?

Сел, размешал сахар, отхлебнул, поправил усы и, держа чашку перед собой, крохотными шажками двинулся в комнату:

– Вот, и вот, и вот, и вот...

Кот спрыгнул со стула, потрусил за ним.

В комнате Алексей Кириллович поставил чашку на заваленный бумагами стол, сел в кресло, положил перед собой пачку машинописных листов, полистал:

– Мммм это было... ага... это да... ага! Вот. Зададим мультипликативный закон, определяемый таблицей три... так... нейтральный элемент относительно... так... относительно... так... но, милый мой, это же тютелька в тютельку реферат Юрковского. Конечно, ведь если тело упорядочено, то множество реперов может быть разбито на два подмножества, чего он Америку открывает?.. Так. Такая матрица определяет отображение энмерного векторного пространства в другое векторное пространство. Ну и что? Это ведь теорема о невыраженной матрице! Юморист.

Алексей Кириллович выдвинул ящик стола, вынул лежащую на салфетке норму и, не отрываясь от листков, стал отщипывать кусочки, изредка запивая чаем:

– Так... так... ну, а это уж тоже ведь... умножение матрицы на скаляр дистрибутивно относительно сложения скаляров... ну... так... это было... а где он про линейную комбинаторику трепется?.. ага... символ Кронекера, равный нулю, если множество квадратичных матриц образует кольцо относительно суммы и произведения... ну и что? А где же два тензора пространства? Они же эквивалентны.

Крошки нормы падали ему на колени, сыпали на пол. Синус лежал на диване, положив морду между лап.

– А как же класс тензоров определить? Ведь это элементы внешнего ряда, чудак... ну... а зачем билинейную структуру рассматривать? Юморист! Нам важно знать параметры левого тензора, а не кривую полиномиальной функции... а здесь что?.. ага... ну это ясно... ага... тут он... так. Так! Интересно! И что же? Это в пику евклидову пространству! Бог ты мой! Ха-ха, ха-ха! О, держите меня! Полярная форма фундаментальной полиномиальной функции называется скалярным рассеянием! Ха-ха-ха! В огороде бузина, в Киеве дядька!

Чай кончился раньше нормы.

Алексей Кириллович взял оставшийся кусок, отправил в рот, стал жевать, разглядывая листки:

– Ну... м... а где же хваленые фокусы со смешанными тензорами?.. так... ну... ммм... векторная взаимозаме... ой!

Он замер, запустил пальцы левой руки в рот, достал небольшой предмет, коричневый от нормы. Протерев его о ладонь, Алексей Кириллович понял, что это пуговица.

– Господи... – Он отложил рассыпающиеся листки, поднёс пуговицу к глазам.

– Бог ты мой... пуговица! А как же?.. бог ты мой... это что ж... Синус! Смотри, пуговица!

Кот поднял морду, лениво маякнул.

Алексей Кириллович встал, прошаркал к окну, ещё раз поднёс пуговицу к лицу:

– Надо же... кто-то пуговицу проглотил... господа... как же он умудрился-то?

Кот встал, сделал несколько шагов по дивану, вытянулся и, зевая, запустил когти в протёртый плюш.

– И что, и прям по ебальнику? – Женька кинул окурок в лужу.

– Ага. Я, бля, не опомнился ни хуя, а он пиздык, бля, аж искры, бля...

Сергей остановился, отнял скомканный платок от носа.

– Идёт? – Женька посмотрел на его распухший нос с запекшейся у ноздрей кровью.

– Идет, сука...

– Ну запрокинь голову давай постоим.

– Да ну на хуй, Жень, он ведь слиняет щас быстро. На внуковском автобусе. Они там с Пекой и Хохлом. И Сашка Гладилин.

– А этот-то хули затесался?

– Хуй его знает. Как прилипала, бля. Нашим и вашим. И не вступился даже.

– Ты с ним учился вместе?

– Ага. ПТУ кончал. Давно, правда. На танцы вместе ходили.

Сергей нагнулся, высморкался на асфальт:

– Ну, бля, башка гудит. Прям в переносицу пизданул...

– Вытри с руки.

Сергей вытер забрызганную кровью руку, пошмыгал носом и снова приложил к нему платок:

– Слышь, Жень, а может, за Саней зайдём?

– Да не бойсь, справимся.

– А у меня ремень со свинцом, как назло, дома. Так бы я б снял бы да таких пиздюлей бы вложил. Разогнал бы к ебене матери.

– Они поддатые?

– Да не то чтоб очень. Слегка. Рожи красные, лыбятся, бля..

– А залупнулся Пека первый?

– Ага. Сыч ему шепнул, бля, тот ко мне. Ну, попиздели, Пека сам ссыт. Обозвал меня, я толкнул его. Тут Сыч и вмазал.

– Ясненько.

Прошли мимо автобусной остановки, обогнули очередь за помидорами, двинулись по улице.

В фонарях зародились слабые голубые точки, замигали, стали расти. Попавшаяся навстречу полная женщина с авоськой сощурилась на Сергея, покачала головой. Сзади загудел грузовик, заставил перейти на тротуар. Сергей шёл, втянув голову в плечи:

– А Хохол ржал стоял. Ржет как мерин, бля...

– Сыч один раз ёбнул?

– Ага. Один. Ну и пошёл я... Хули толку – одному против троих...

– Ну, Сычу мог бы ёбнуть разок.

– Да Жень, они б меня в землю втолки!

– Ну, не преувеличивай... не так страшен чёрт.

– Да хуль мне пиздеть-то? Он ж на голову выше меня!

– Значит, меня на две.

– Ну ты ж у нас спортсмен, бля.

Перешли на ту сторону. Быстро смеркалось. Сырой ветерок шевелил Сергеевы космы. Фонари горели в полную силу.

Свернули, двинулись через проходной двор. Пробрались под развешанным бельём, прошлёпали по лужам. Возле подъезда две девочки крутили верёвку, а другая готовилась прыгать. Две матери катали коляски.

– Они щас там ещё, бля буду. Не успели, наверно. Хохол бутылку покупал. Девочка вскочила под верёвку, стала прыгать.
Вышли к магазину.
У входа толкались несколько мужиков. Заметив Женьку с Сергеем, обернулись к ним.
– Слышь, ребят, вы Сыча с компанией не видели? – спросил, подходя, Женька.
– Они в роще распивают, – махнул рукой небритый мужик в кепке. – А что, вырубать собрались?
– Как получится.
– Давай, Жень, – ощерился мужик. – А то поприехали, развыёбывались. Я видел, как с Серёжкой-то.
– Чего ж не помог?
– Да какой из меня помощник... здоровья нет...
Свернули за угол, вошли в рощу.
Между оголившимися деревьями маячили тёмные фигуры.
– Вон они. – Сергей остановился, оглянулся. – Надо б кол сломать.
– Брось, не надо.
– Да хули, четверо ведь.
– Нет, кажется, трое. Пошли, не бойсь. Я двоих беру, а ты уж не робей. Пиздани один раз, но чтоб точно.
Подошли.
Трое оборвали разговор, повернулись.
– Аааа... заступничка привёл. – Сыч шагнул навстречу.
– Мало у магазина схлопотал?
Невдалеке от троих захрустели сучья. Сашка Гладилин застёгивал ширинку.
– Ты что, бля, в Москве здоровья набрался? – Женька вынул кулаки из карманов, пошёл к Сычу: – Сильно здоровым стал?
– На вас, пиздаболов, хватит.
Женька шагнул ближе, Сыч размахнулся. Женька увернулся от кулака и ловко хряснул Сыча в лицо.
Сыч полетел назад, кожаная фуражка покатила по земле.
Пека с Хохлом кинулись на Женьку, Сергей – на упавшего Сыча.
Саша Гладилин бросился разнимать:
– Да что вы, ребят, охуели?!Женька сбил Хохла, но от Пекиного кулака не уберёгся, полетел навзничь.
Сергей бил ногами закрывающегося Сыча, Сашка оттаскивал его за куртку. Пека ударил Женьку ногой в бок. Женька вскочил, икнул и достал его кулаком. Хохол сидел, схватившись за нос.
– Ребят, да что вы, ёб вашу! – Сашка оттащил Сергея. – Поубиваете друг друга!
– Пшёл на хуй, прихлебатель! Ща тебе вложу ещё!
– За что мне-то?
– За то! Пусти! Мудак...
Женька сбил Пеку с ног, тот вскочил и побежал прочь. Сыч поднялся и побежал следом.
Хохол сидел на земле, вытирая разбитый нос.
Женька толкнул его ногой:
– А ну, уматывай отсюда!
Хохол с трудом встал и побрёл. Женька поднял Сычёву фуражку, кинул ему вслед:
– Передай начальнику, шестёрка!
Хохол поднял фуражку, побрёл дальше.
– А ты чего стоишь? – Женька подошёл к Сашке. – А ну вали отсюда!

– Да чего ты, Жень?

– Вали, кому сказал!

Сашка сплюнул, зашагал прочь. Опавшая листва зашуршала под его ногами.

– Ну вот, огребли ребята. – Женька потрогал оплывающую бровь. – Да... синячок обес-
печен. Издержки производства, бя...

– Дерёшься ты, я скажу! – Сергей хлопнул его по плечу. – Отработал, а?!

– А ты тоже хорош. На лежачего полез, нет чтоб мне помочь.

– Так я ж добить его, суку, хотел, чтоб не встал, гадина!

– А мне вон досталось тем временем...

– Ничего, Жень, шас пузырь раздавим, вылечим. Дай пятак приложу! Пятак надо. У тебя
есть?

Зашарили по карманам.

Женька вдруг замер, открыл рот:

– Ёб твою мать!

Он осторожно вытащил из кармана куртки растопыренную пятерню. Пальцы были
выпачканы в норме. Женька обиженно чмокнул:

– Во бя... я ж выложить не успел... а этот хуй меня ногой. Пакет разорвался. И она
жидкая была, хоть пей...

Он держал руку перед собой.

– А может, не вся вытекла? – робко спросил Сергей.

– Да какой там... – Изгибаясь, Женька пальцами другой руки достал разорванный
пакет. – Вообще-то не вся ещё...

– Ну и порядок. Чего такого? А куртку Людка твоя постирает.

– Будем надеяться. – Женька посмотрел на пакет и тряхнул головой. – Ну ладно, делать
нечего.

Он подставил рот под дыру, сжал пакет ладонями. Жидкая норма потекла в рот.

– Жек! Мож, я сбегая пока? А то закроют.

– Давай.

– Чего брать-то? Пузырь или краснуху?

– Пузырь.

Сергей повернулся и бодро зашагал к магазину.

Женька высосал из пакета норму и, скомкав, приложил его к пылающей брови. Моргать
было больно, висок онемел, бок слабо ныл.

– А у них всегда так. – Эра выпустила в эмалированную миску седьмое яйцо. – Получают
много, а жить нормально не умеют. В конце месяца занимать плетутся.

– Точно. – Аня колола орехи, выбирая из скорлупы в стакан.

– Машка приходит – вся разодетая, в янтаре, в кримплене. «Эра, дай займы». И знает
ведь, к кому идти.

– Это конечно.

– К Соловьёвым сунулась однажды – отказали. А я вот просто, Ань, и не могу отказывать.
Не умею.

Эра кинула яичную скорлупу в ведро и металлическим веничком стала взбивать яйца
с песком.

– Ты у нас Христосик.

– Сама себя ругала не раз, дура, чего я, действительно? А вот не могу. А Машка сотню –
цап! И до свидания. На следующий день загул у них. Гости. В получку отдаст, в конце месяца
– опять.

– А он не заходит?

– Нет, что ты. Это же элита, разве снизойдет до технократии какой-то? У них и гости все такие – индюки. В замше да в коже.

– А он член союза?

– Давно. Трехтомник выходит, Машка говорит.

– Не читала ничего?

– Читала, Ань. Муть мутью. Производственный роман. Он любит её, она в завкоме, он бригадир. Бригада – заваливающая, из последних. Не справляется. Бригада сыпется, текучка кадров. Она его критикует. А он ревнует её к главному инженеру. Кончается всё, правда, хорошо. План перевыполняют, и они женятся. Старый литейщик тост говорит. Молодые хлопают. Всё.

– Кошмар...

– Да, еле до конца осилила. Вообще-то у него сборничек рассказов есть. Там лирика такая деревенская. Вроде и ничего, но с другой стороны – сколько можно? Надоело.

– Крем сейчас будем или после?

– Потом. А то опадёт. Дай-ка муку мне.

Аня передала.

Эра отмерила два стакана, высыпала в миску добавила подтаявшего масла, стала мешать деревянной ложкой.

– Эр, а орехи сразу или потом? Сверху?

– Нет, сразу. В том-то и дело. Это не «Полёт». Ты тогда давай орехи с нормой мешай.

Аня сняла с буфета накрытую тарелку. Под крышкой лежали четыре нормы. Три были потемнее, одна совсем свежая – оранжево-коричневая. Аня высыпала в нормы орехи, помешала ложкой:

– Эр, а Колиному министерству норму кто поставляет?

– Детский сад.

– Оно и видно. Вон какая светленькая. Мы интернатовскую едим. Ничего, конечно, но не такая... Как пахнет сильно, Эр. Всё-таки запах ничем не отбить.

– Испечём, постоит, и никакого запаха.

– Правда?

– Ага... Перемешала? Давай сюда.

Аня передала тарелку, Эра счистила тягучее содержимое в тесто, подсыпала муки и стала засучивать рукава.

Лифт плавно остановился, светло-зелёные двери разошлись.

Николай Иванович вышел в вестибюль.

Стоящий у проходной милиционер повернулся, отдал честь. Николай Иванович кивнул головой, минув его, толкнул стеклянную дверь.

У подъезда прохаживались двое милиционеров в шинелях. Заметив Николая Ивановича, они остановились и приложили руки к вискам.

Николай Иванович кивнул им.

Машина стояла рядом. Вышел шофёр, открыл заднюю дверцу:

– Добрый вечер, Николай Иваныч.

– Добрый вечер, Коля. – Николай Иванович кинул папку на сиденье и сел сам.

Шофёр проворно обежал мощный чёрный перед, сел за руль, завёл и плавно тронул.

Проехали коротенькую аллею, уперлись в серебристые ворота, которые стали медленно расходиться. За воротами стояла чёрная «Волга» охраны. Возле «Волги» прохаживались трое в плащах.

Ворота разошлись, лимузин проехал мимо «Волги».

Трое хлопнули дверцами, «Волга» тронулась следом.

– Домой, Николай Иваныч?

– Ага.

Свернули на Кутузовский, понеслись по середине.

– Сегодня, Николай Иванович, «Спартак» наш «сапогам» наложит. Как пить дать.

– Не говори гоп... – Николай Иванович приспустил стекло.

– Вот увидите. Он «Химику» как в субботу, а? Здорово!

– Химик не ЦСКА.

– Ну, разные, конечно, но семь-ноль выиграть – это тоже суметь надо. Счёт – будь здоров.

– Посмотрим. – Николай Иванович зевнул, снял шляпу и положил на папку. – Чего-то хмурится. Дождь пойдёт.

– Пойдёт, конечно. Вон как заволакивает. Мокрая осень какая-то. Прошлый год сухая была. Картошку копали – одно удовольствие. Ни грязи, ничего. А щас меси вон...

– А вы не копали ещё?

– Какой там! Куда ж в такую грязь.

– Смотри, сгноишь.

– Да в эту субботу попробуем...

Свернули в переулок, подкатили к восьмиэтажной башне. «Волга» остановилась рядом, охранники вышли, озираясь, обступили лимузин. Шофёр открыл дверцу, Николай Иванович выбрался, подхватив папку и шляпу. Рыжеволосый охранник открыл дверь подъезда.

Николай Иванович кивнул ему и пошёл по серо-коричневой ковровой дорожке. Широкоплечий лифтер вышел из-за стола:

– Добрый вечер, Николай Иванович.

– Привет.

Подъехал лифт, разошлись двери.

Николай Иванович вошёл, утопил кнопку «3», посмотрел на себя в зеркало.

На этаже вышел, позвонил. Дверь открыла Лида.

– Привет. – Николай Иванович поцеловал её в щёку.

– Привет. – Она ответно поцеловала его. – Почему без шляпы ходишь? Франтишь? Я из окна видела. Заболеешь.

– Да я из машины только...

– Смотри, простудишься. Устал?

– Есть немного. А мать где?

– У Веры.

– Аааа...

– Ужинать щас будешь или после?

– Давай щас. Там хоккей в семь...

Лида помогла ему раздеться. Николай Иванович вынул из плаща норму:

– Отнеси на кухню.

– Что, долго заседали?

– С трёх.

Она ушла на кухню, крикнула оттуда:

– Рыбный суп будешь или харчо?

Николай Иванович надел тапочки:

– Харчо.

Лида загремела тарелками.

Николай Иванович сходил в туалет, вымыл руки и, засучивая рукава рубашки, прошёл сквозь бамбуковую занавеску на кухню.

Лида, напевая, резала балык:

– Садись давай. Я Аньку отослала, а сама хозяйничаю.

– А что такое?

– А она простыла где-то. Сопливая вся.

– А... Поешь со мной?

– Нет, папочка, я обедала недавно. С мамой мы поели. А ужинать рано ещё. Садись.

На столе дымился харчо, стояла бутылка «Мукузани», грибы, ветчина, паюсная икра в розетке.

Норму Лида выложила в блюдо.

Николай Иванович взял ложку, придвинул норму зачерпнул, вяло прожевал.

Лида разложила балык на тарелочке, вытерла руки о висящий на стене фартук, села напротив.

Николай Иванович неторопливо жевал норму.

– К Никитичу ездил? – Лида подперла подбородок рукой.

– Ездил.

– Ну и как? Освоился на новом месте?

– Да не очень... не справляется что-то. Только и новшеств, что ворота посеребрил...

– Ну, пыль в глаза пустить это он любит. А сам как?

– Тоже неважно. Опухший какой-то. Пьёт, наверно.

– Пьёт, конечно. Сергея Петровича шофёр рассказывал, как вёз его, пьяного, с дачи.

Николай Иванович поскрёб с блюда коричневые остатки, облизал ложку и придвинул харчо:

– Ух ты, густое-то, а?..

– Ты балыка возьми, грибы вот...

– Я вижу. – Он хлебнул раз, другой, налил вина, выпил и заел куском балыка. – Мать давно уехала?

– Часа в четыре. Да, чуть не забыла – тебе Николаич звонил.

– Так я ж перед отъездом говорил с ним.

– Ну, не знаю. Может, вспомнил чего. Знаешь как – хорошая мысль приходит опосля.

– Тоже верно...

Николай Иванович хлебал харчо.

Лида встала, подошла к плите:

– А на второе Анька котлеты сбавала. Из индейки.

– Положи мне половинку.

– Чего так?

– Больше не хочу.

– А картошки?

– Тоже малость.

Он доел харчо. Лида поставила перед ним тарелку со вторым.

Николай Иванович подцепил картошку, прожевал, отложил вилку:

– Аааа... это он, наверно, насчёт шестого... я щас...

Он встал, прошёл через коридор и гостиную в кабинет, поднял трубку красного телефона без циферблата:

– Три семьдесят восемь... Алексей Николаич? Это Николай Иваныч. Тут мне Лидочка передала. Ага. Аааа... ясно... ну я так и думал... ага... ага... так... так... и что? Вот как? Ну так это ж их хозяйство, пусть они и решают. Конечно. Да и тебе волноваться на этот счёт не надо. Пусть они волнуются. Сами заварили, сами пусть и расхлёбывают. Точно. Точно. Конечно. Да. Конечно. Да. Седьмого. Точно. Под Архангельском сорвалось, так они решили здесь... да... так это получается – шило на мыло. Мне Фёдоров вчера докладывал... да... деньги убухали, а природа виновата. Да. Сначала на электронщиков валили, теперь на вечную мерзлоту. Да. Точно, а теперь, значит, Рябинкин виноват, он не предусмотрел! Нашли козла отпущения. Да. Конечно, он ведь ясно сказал, ты помнишь? Да. Нечего, конечно! А с ними я завтра поговорю,

пусть они Рябинкина не трясут. Да. Пусть своих трясут. Да. Хорошо. Хорошо. Ладно, Алексей Николаич, до свидания...

Он положил трубку, посмотрел на часы и побежал в гостиную.

– Уюююю! Проворонил!

Включил телевизор, сел в кресло.

– Папа! Компот или чай? – крикнула из кухни Лида.

– Чай! – Николай Иванович шлёпнул себя по коленкам.

Экран расплылся, зарябил цветами.

Судья показал вбрасывание в зоне ЦСКА. Крутов перелезал через бортик. Шалимов сидел на скамье штрафников, обматывая вокруг клюшки распустившуюся изоляцию.

По дороге купили «Каберне» и триста грамм «Мечты».

Бутылку с косо приклеенной этикеткой Серёжа сунул в карман плаща, опустив туда же и руку. Кулёк с конфетами Оля убрала в сумочку. Возле шашлычной перешли на ту сторону. Серёжа взял Олю под руку, снял с её непомерно длинного шарфа пожелтевший лист, протянул:

– Тебе на память.

– От кого? – Оля насмешливо улыбнулась.

– От осени, наверно.

– Спасибо.

Она взяла лист, сунула веточку в рот. Серёжа шел, балансируя на бетонном бортике тротуара:

– Вообще с таким шарфом страшновато.

– Что, не нравится?

– Да нет, красивый. У Айседоры, наверно, был такой же.

– Странная аналогия.

– Ничего странного. Страшновато.

– Серёженька, сейчас нет открытых ландо. Так что не беспокойся.

– Зато есть троллейбусы, автобусы. Сама внутри, а шарф под колесом.

– Ну спасибо.

Серёжа обнял её, притянул к себе. Она качнулась, каблучки неловко процокали по мокрому асфальту:

– Упаду.

– Поднимем.

Он поцеловал её в уголок губ.

– Веди себя прилично.

– Веду. Себя и тебя. Вполне прилично.

Свернули в переулок, прошли несколько домов. Переулок перегородила канава.

– Ух ты, – Серёжа заглянул в канаву, столкнул ногой комок земли, – перегородили усе путя. Как ты по вечерам тут ходишь?

– На ошупь.

– Кошмар.

– Один пьяный уже свалился.

– Случайно не твой бывший муж?

– Не хами.

Перебрались через канаву, зашли во двор.

– А вот подъезд – хоть убей... – Серёжа сощурился. – Вон тот, а?

– Угадал.

– Не угадал, а вспомнил.

Вошли в подъезд. В лифте он обнял её и поцеловал в губы. Оля раскрыла сумочку, достала ключи.

Вышли из лифта.

Оля отперла дверь, вошла. Серёжа следом.

В квартире был полумрак. Оля кинула сумочку под вешалку, сняла вязаную шапку и тряхнула рассыпавшимися волосами.

Серёжа повесил фуражку на деревянный штырёк, привалился к стене:

– Даааа. А обои когда успела?

– Весной ещё. Когда развелись. Мне те никогда не нравились.

– Мне тоже.

– Раздевайся.

Она сняла пальто, скинула сапоги. Серёжа вынул бутылку из кармана, снял плащ. Оля кинула шарф на вешалку и, подхватив бутылку, двинулась было на кухню, но Серёжа поймал её руку.

– Что? – тихо спросила она.

Он поцеловал её в губы, отвёл волосы и поцеловал в висок. Она поставила бутылку на пол, обняла его.

Они долго целовались в полумраке. Оступившись, Оля опрокинула бутылку. Бутылка покатилась к двери.

За руку он втянул Олю в комнату.

– Здесь бардак страшный. – Оля отстранилась на мгновение, потом снова обняла его.

Серёжа скользнул руками под её бежевый свитер. Оля вздохнула, взъерошила его волосы. Он нашёл её грудь, подвёл к кровати, повалил. Оля стала целовать его в лоб, в глаза, но вдруг упёрлась руками в плечи:

– погоди, я дверь не заперла, кажется.

Бесшумно прошла в коридор. Щёлкнул замок.

Вернулась, задернула шторы. Стало ещё темнее.

Сняла свитер через голову, расстегнула джинсы:

– Скинь покрывало.

Серёжа стянул с кровати зелёное покрывало. Под ним было тонкое одеяло в старом ком-каном пододеяльнике и расплюснутая подушка с торчащей из-под неё розовой ночной рубашкой.

Оля вылезла из джинсов и шагнула к Серёже. Он обнял её, стал целовать в шею, в худые ключицы. Оля расстегнула его рубашку, он содрал её с себя вместе с майкой, сдёрнул брюки и трусы.

Обнявшись, упали на кровать.

Оля расстегнула лифчик, бретелька перепуталась с цепочкой. Серёжа поцеловал её грудь, скользнул рукой в трусики. Олины ноги разошлись и снова сошлись в коленях. Прижавшись к нему, она тёрлась ртом о его щеку. Он потянул трусики, она приподнялась. Трусики скользнули по ногам. Серёжа лёг на неё, сжал бессильные худые плечи. Цепочка тряслась между ними. Ноги её быстро раздвинулись. Мгновение он лихорадочно искал на ощупь, Олина рука скользнула вниз и умело направила. Лобки их сошлись. Серёжа замер, уткнувшись в её волосы. Ноги её поднялись, оплели его бедра. Он стал двигаться. Руки ушли под подушку. Оля быстро целовала его лицо. Губы её раскрылись, она громко дышала. Серёжа путался ртом в её волосах. Вскоре Оля стала дышать чаще, язык её прошёлся по губам, пальцы сжали Серёжины плечи:

– Быстрей, Серёженька... вот... вот... вот... вот... так, ой... оо-оо... так... так, Серёженька, вот... вот... так...

Серёжа стал двигаться быстрее.

Олины ноги дрожали, тёрлись о его:

– Быстрее... быстрее... ещё... вот... вот...

Гримаса искажила её лицо:

– Быстрее... вот... вот... вот... еще... немного... милый... аааа!!!

Оля вскрикнула, впилась ногтями в Серёжины плечи. Ноги её согнулись в коленях. Серёжа вздрогнул, застонал в её волосы. Минуту они лежали неподвижно. Потом Серёжа откинулся на спину. Кровать была узкой. Они лежали рядом, вплотную прижавшись друг к другу. Оля чмокнула его в щёку, приподнялась, вытащила из-под подушки ночную рубашку, подтёрлась и прошлёпала в ванную.

Серёжа вытерся этой же рубашкой, лег на спину, закинул руки за голову. В ванной шлепала вода.

Серёжа вздохнул, скомкал испачканную рубашку, сунул под одеяло. Вода смолкла, ухнул сливной бачок.

Оля вошла, легла на него, сжав ладонями щёки, поцеловала в губы:

– За что ты мне нравишься – то, что никогда не клянёшься в любви. Не как остальные.

– Могу поклясться.

– Тогда больше ничего не будет.

Она сжала ладонями его губы, отчего они стали похожи на рыбий рот.

– Чего – ничего?

– Ничего.

Он обнял её, провёл руками по спине и положил на ягодицы, хранившие на себе водяные брызги:

– Ты прелесть.

– Что ты говоришь!

– Прелестная прелесть.

– А мы вам не верим.

– Ты чудесная.

– Что ты говоришь!

– Афродита.

Он поцеловал её подбородок.

Оля водила пальцем по Серёжиным бровям:

– Скажи лучше, когда я могу рассчитывать на продолжение.

– Скоро.

– Скоро – это как? Через час?

– Нет. Скоро.

– Ясно. Вот что, давай перекусим, пока ты не заснул.

– А ты жестокая.

– Ты ещё меня не знаешь.

Оля встала, достала из шкафа халат:

– Пошли поедим. Ты небось на своём институтском пайке?

– Вообще-то я сегодня только завтракал...

– Оно и видно. Чтобы вашего брата раскачать, надо его сперва долго и упорно кормить мясом. Иди. Живо... Правда, мяса у меня не предвидется.

Она убежала на кухню.

Серёжа надел трусы, пошёл за ней.

– Прихвати бутылку! – крикнула Оля. – И норму мою из сумочки тоже.

– Да и у меня... фу ты... – Серёжа поднял бутылку, достал из своего плаща пакетик с нормой, потом из Олиной сумочки её.

Оля стояла у плиты, вырезала из маслёнки кусочки масла и бросала на сковородку.

– Не обожгись смотри. – Серёжа положил оба пакетика на стол и стал срезать пробку с бутылки.

– Не бойсь. – Оля обернулась. – Принёс. Ага. И твоя. Слушай, давай-ка мы щас из этих норм кое-что сочиним.

– Давай.

– Распечатывай.

Серёжа стал разрезать целлофан:

– Вообще, между нами девочками говоря, я бы эти нормы поджарил.

– Логично. Кстати, когда твоя ненаглядная кам бэк?

– Двенадцатого.

– Скоро.

– Разрезал, Оленька...

– Давай сюда.

Оля бросила нормы в шипящее масло, стала членить их ножом:

– Во, одна свежая, одна сохлая.

– Свежая твоя. Экономистов ценят выше кибернетиков.

– Ещё бы.

Оля расчленила нормы, достала из холодильника четыре яйца, пакетик сливок, майонез. Разбила яйца в миску, плеснула сливок, положила майонеза, быстро размешала и вылила на сковороду.

– Вот. У французов есть такой омлет со свежей клубникой. Только у нас вместо клубники...

– ...земляника.

Точно. Вообще, – она вытерла пальцы, – только наши дураки могут придумать – норму жевать в чистом виде. Зачем? Уж лучше с чем-то. Можно вообще запекать, например. Ну, там, в тесте как-нибудь. К мясу приправой, например. А то – жуй сухую! Нет, всё-таки неповоротливые мы какие-то. Французы б новый раздел в кулинарии открыли. Пирожки с нормой. Пирожное из нормы, мороженое... А тут – жуй сухую.

Серёжа постучал согнутым пальцем по столу, железным голосом процедил:

– Майор Пронин, ау!

Оля засмеялась, сняла с огня готовый омлет, подставила на железную решётку перед Серёжей:

– Навались!

Серёжа протянул ей чашку с вином:

– За тебя.

– Спасибо, солнышко...

Чокнулись, выпили.

Оля села напротив, откусила хлеба, ткнула вилкой в дымящийся омлет, подула, попробовала:

– Ничего...

– Пища богов.

Серёжа наполнил чашки:

– За встречу теперь?

– Можно.

Чокнулись. Серёжа в два глотка осушил чашку, стукнул дном о стол:

– Амброзия...

Оля пила медленно, голый локоть её поднимался.

Быстро съели омлет.

Насадив кусочек хлеба на вилку, Оля протёрла сковородку:

– Блеск.

– И я говорю – пища богов. – Он вытер губы о сгиб локтя, разлил остатки вина.

Оля встала, поставила сковороду на плиту.

Серёжа с двумя чашками подошёл к ней, протянул:

– За твои глазки, волосы, плечи и тэ дэ.

– Что – тэ дэ?

– Тэ дэ...

Он поцеловал её в шею, провёл рукой по животу, скользнул за отворот халата. Оля отстранилась, выпила. Серёжа тоже.

Постояли, разглядывая друг друга.

Серёжа улыбнулся:

– Есть предложение.

– Конструктивное?

– Ага. Ахнем об пол? На счастье?

– Э, нет, парниша! – Оля выхватила из его рук чашку. – У меня их всего три осталось.

Она поставила чашки на стол.

– А почему так мало?

– Одну я кокнула, а четыре Витька забрал. После развода.

Серёжа засмеялся, подхватил её на руки.

В коридоре зазвонил телефон. Серёжа понёс Олю в коридор.

Не слезая с его рук, она взяла трубку:

– Да. Что? Нет, это квартира.

Серёжа поцеловал её в шею.

Оля бросила вниз трубку, но промахнулась. Трубка ударилась о телефон, соскочила вниз и закачалась на шнуре.

Николай разрезал пакет, вывалил норму на тарелку.

Скомкав пакет, швырнул в мусорное ведро, достал из шкафа ложку, банку вишнёвого варенья, открыл, сел за стол.

Норма была старой, с почерневшими, потрескавшимися краями.

Николай наклонил банку над тарелкой. Варенье полилось на норму. Тесть в третий раз заглянул из коридора, вошёл и, заложив худые руки за спину, покачал головой:

– Значит, вареньицем поливаем?

Николай прошёлся тягучей струей по последнему тёмно-коричневому островку и поставил банку. Кирпичик нормы полностью покрылся вареньем. Вокруг него на тарелке расплылась вишнёвая лужица, сморщенная ягода медленно сползала по торцу.

– В пирожное превратил. – Узкое лицо тестя побледнело, губы подобрались. – Как же тебе не стыдно, Коля! Как мерзко смотреть на тебя!

– Мерзко – не смотрите.

– Да я рад бы, да вот уехать некуда от вас! Что одна дура, что другой! Как вы надоели мне! Ты посмотрел бы на себя!

Николай отделил ложкой округлившийся уголок, сунул в рот.

Варенье поползло по образовавшейся ложбинке.

Тесть оперся руками о стол:

– Ну она дура, она не понимает, что творит. Но ты-то умный человек, инженер, руководитель производства! Неужели ты не понимаешь, что делаешь? Почему ты молчишь?!

– Потому что мне надоело каждый месяц твердить одно и то же.

Николай отделил кусочек побольше:

– Что я не дикарь и не животное. А нормальный человек.

– А я, значит, – дикарь? Животное?!

Николай спокойно отправил в рот очередной кусочек:

– Вы, Сергей Поликарпыч, зря нервничаете.

– А что ж мне делать прикажешь, а?! Спокойно смотреть на вас?!

– Ну а чего переживать-то зря?

– Как это – чего?! Как это – чего?!

Николай улыбнулся, жуя норму:

– Да успокойтесь а, ну что в самом деле...

Лицо тестя побелело, губы затряслись:

– Ты вот что, ты не дерзи мне! Слышишь?! Я тебе в отцы гожусь! Ишь, взял манеру разговаривать!

Медленно жуя, Николай хмуро смотрел на него:

– А чего такого-то?

Трясаясь и дёргая головой, тесть судорожно дотянулся кулаком до края стола, ожесточённо застучал:

– Я... управу на тебя найду, найду! К начальнику твоему пойду, к Селезнёву! Хулиган! Издеватель!

Николай недовольно мотнул головой:

– Слушайте, идите отдохните... успокойтесь...

– Я тебе дам – успокойтесь! Я тебе покажу – успокойтесь!!

Тесть надвигался на него, дико тараща глаза.

Николай громко хлопнул ладонью по столу:

– А ну вон отсюда! Вон!!!

Тесть вздрогнул и испуганно попятился к двери.

– Вон! Пшёл отсюда! – Николай угрожающе выпрямился.

Тесть попятился и исчез за дверью.

Сидящие в луже голуби поднялись от наехавшего грузовика, пролетели над головой Купермана.

Грузовик обдал водой стоящий на обочине «Запорожец» и свернул за угол.

Куперман двинулся вдоль закрытых ярмарочных павильонов. Только что прошёл дождь. Ярко размалёванные стенки были мокры, с шиферных крыш капало. Возле пивного ларька толпились несколько человек.

Один из вспорхнувших голубей покружил над ларьком и сел на крышу. Куперман свернул, прошел метров сто и оказался на набережной. Кругом тянулся мокрый асфальт, проезжали редкие машины. Прохожих не было. Куперман приблизился к каменному парапету и, облокотившись на него, посмотрел вниз.

Вода была свинцово-серой, чувствовалось, что скоро стемнеет. Мелкая рябь покрывала реку.

Куперман оглянулся. Никого.

Он быстро вытащил из кармана завернутую в носовой платок норму, сильнее наклонился и незаметно выпустил её из платка вниз.

Коричневый брикетик плюхнулся в воду, скрылся, потом всплыл.

Куперман снова оглянулся, высморкался в носовой платок и не торопясь пошёл по набережной.

Проехал молоковоз и две легковые машины.

Куперман свернул в аллею, поднял пожелтевший кленовый лист и побрёл, разгребая ботинками мокрую листву.

На набережной остановилось такси, вылезли девушка с парнем.

Парень махнул таксисту, тот быстро развернулся и покатил.

Девушка забралась на парапет, выпрямилась. Спутник схватил её за руку:

– Упадёшь, ты что!

– Не бойся.

Балансируя, она двинулась по парапету.

– Ну, Лид, ты циркачка просто... – Парень рассмеялся. – Смертельный номер!

– Впервые на арене! – Девушка сняла с головы вельветовую кепочку, помахала ею. –

Зрителей со слабыми нервами просим покинуть зал...

– Непревзойдённая канатоходка! Танец маленьких лебедей под куполом цирка! На проволоке!

Девушка расхохоталась, парень схватил её ноги:

– Слезай, а то нырнёшь.

Она глянула вниз и сощурилась:

– Смотри, что там...

Парень снял её с парапета, перегнулся.

Внизу плавала, тёрлась о гранит разбухающая норма.

– Кирпичик какой-то, Лень...

– Слушай, да это же норма.

Лицо парня стало серьёзным.

– А как же она здесь?

– Не знаю. Может, потерял кто.

– Не может быть.

– Чёрт его знает. А может, сволочь какая-то выбросила.

– Ты думаешь?

– А что! Вон в газете писали – один тип в урны выбрасывал. Завернёт в бумагу – и в урну.

– Ничего себе. Лень, а может, утонул кто, а?!

– Как?

– Да так! А норма всплыла!

– Да что ты. Глупости.

Парень разглядывал норму:

– Знаешь, надо б сказать милиционеру.

– А где ты найдёшь его?

– Проезжали когда, на перекрёстке стоял.

– Ааааа. Точно. Это ж рядом, пошли.

– Место заметить только.

Зашагали, взявшись за руки.

За мостом на перекрёстке прохаживался милиционер. Он был в длинной клеёнчатой накидке, полосатая палочка торчала из рукава.

Подожли. Парень заговорил:

– Товарищ милиционер, там вон мы увидели прям в воде, возле поворота, ну, где аллея, там норма плавает чья-то...

– В воде? – переспросил милиционер.

– Ага.

– Точно норма? Не ошиблись?

– Точно, точно! – Девушка тряхнула головой. – Мы шли, в воду глядели, а она плавает.

– Близко от берега?

– Прямо у самого у гранита.

– И плавает?

– Плавает!

– Ну смотрите...

Милиционер отвернул полу накидки, поднёс ко рту микрофон на скрученном шнуре:

– Шестой, шестой... Саш, это Савельев с восемнадцатого... слушай, тут вот ребята норму в воде видели. Возле аллеи, ну, где поворот на ярмарку. К берегу прибило её. Ага. Скажи на станцию, пусть катер вышлют.

Он спрятал микрофон:

– Спасибо, ребята.

– Да не за что.

Парень с девушкой отошли.

Минут через пять на реке затарахтел катер, приблизился к набережной и медленно двинулся вдоль. Рядом с водителем в катере сидел милиционер.

В надвигающейся темноте норму разыскали с трудом. Она разбухла, частично развалилась.

Водитель осторожно упёрся носом катера в набережную, милиционер свесился с капроновым сачком, подцепил норму и потряс над водой:

– Четвёртый случай за два дня. Надо же!

Водитель закурил, кинул спичку за борт и стал отчаливать, разворачиваясь:

– Ну и что, не нашли?

– Найдём, – бодро кивнул милиционер и стал перекладывать норму в приготовленный бумажный пакет, – найдём, никуда не денутся...

– Мамуля! – Вовка загремел цепочкой, открыл дверь, бросился Юле на шею и повис: – Мамулька!

– Вовка! Упаду... – Юля согнулась, растопыря руки с авоськами. Вовкины ноги коснулись порога.

– Отпусти... Володя... задушишь.

Вовка отпустил, вцепился в авоську:

– Купила? Мороженое?

– Нет. Лучше. Пирожное.

– Правда?! Много?

– Нам хватит.

Они вошли в коридор. Юля стала раздеваться, Вовка, изогнувшись, потащил авоськи на кухню.

– Осторожней, там в красной яйца сверху. – Юля скинула туфли, сунула уставшие ступни в тапочки. – Оооо... хорошо-то как... Папа не звонил?

– Не-а.

Вовка разбирал авоськи.

– А тетя Соня не заходила?

– Не-а.

Юля вошла в спальню, сняла платье через голову, повесила в шкаф. Надела халат, крикнула:

– Ты ел что-нибудь?

– Чай пил.

– А котлеты с рисом не ел?

– Не-а.

– Почему? Я же специально оставляла.

Юля вошла на кухню.

– Да не хотелось, мам.

– Это непорядок. Иди мой руки.

– Я мыл уж, мам.

– Неправда. Иди, не обманывай.

Вовка убежал в ванную.

Юля нарезала свежего хлеба, поставила греться котлеты с рисом и чайник. Вовка вернулся, показал ей ладошки и сел напротив, болтая ногами. Юля убрала яйца и творог в холодильник, яблоки высыпала в раковину, пирожные разложила на коричневом блюде. Со дня авоськи достала норму, разрежала пакетик ножницами, положила подсохший комок на блюдечко.

Блюдечко поставила на стол.

– Во, засохшая какая. – Вовка потрогал норму пальцем. Под тёмно-коричневой корочкой чувствовалось мягкое содержимое.

– Не трогай. – Юля сняла шипящую сковороду с котлетами и рисом, поставила на кружок перед Вовкой. – Ешь.

Болтая ногами, Вовка насадил котлету на вилку и стал дуть на неё.

– Сядь нормально, не балуйся. – Юля набрала воды в стакан и принялась есть норму чайной ложкой, часто запивая водой.

Вовка жевал котлету:

– Мам, а зачем ты кашки ешь?

– Это не кашка. Не говори глупости. Сколько раз я тебе говорила?

– Нет, ну а зачем?

– Затем. – Ложечка быстро управлялась с податливым месивом.

– Ну, мам, скажи! Ведь невкусно. Я ж пробовал. И пахнет кашкой.

– Я кому говорю! Не смей!

Юля стукнула пальцем по краю стола.

– Да я не глупости. Просто, ну а зачем, а?

– Затем.

– Ну, мам! Ведь не вкусно.

– Тебе кашку вкусно было пить? Или горькие порошки тогда летом?

– Не! Гадость такая!

– Однако пил.

– Пил.

– А зачем же пил, если не нравилось? Не сыпь на колени, подвинься поближе...

– Надо было... Живот болел.

– Вот. И мне надо.

– Зачем?

– Ты сейчас ещё не поймёшь.

– Ну, мам! Пойму!

– Нет, не поймёшь.

Юля доела норму, запила водой и стала есть из одной сковороды с Вовкой.

– А может, пойму, мам!

– Нет.

– Ну это чтоб тоже лечиться от чего-нибудь?

– Не совсем. Это сложнее гораздо. Вот когда во второй класс пойдёшь, тогда расскажу.

– Аааа, я знаю! Это как профилактика? Уколы там, перке разные? Эт тоже больно, но все делают.

– Да нет... хотя может быть... ты ешь лучше, не зевай...

– А я, когда вырасту, тоже норму есть буду?

– Будешь, будешь. Доедай рис.

– Не хочу, мам.

– Ну, не хочешь – не надо. – Юлия поставила полупустую сковородку на плиту, налила чаю. – Бери пирожное.

Вовка взял, откусил, подул на чай и осторожно отпил.

Вместо шипящей ароматной струи из пульверизатора, пузырьясь, закапал одеколон.

– Засорился, ведь вот... – Прохоров сжимал резиновую грушу, но ничего не менялось. Одеколон капал на пол.

Прохоров вывинтил пульверизатор из пузырька, подул в изогнутый наконечник. Воздух проходил с трудом. Выдутый одеколон потёк по руке. Найдя в комодике иголку, Прохоров поковырял ею в головке и снова подул:

– Вот и лучше...

Он ввинтил пульверизатор, покачал грушу.

Прохладная струя с шипением вырвалась из головки.

– Порядок в танковых частях.

Прохоров задёрнул шторы. В комнате стало сумрачно. Притворив дверь, он снял с комода зелёный баллончик аэрозоля «Хвоинка» и стал распылять над столом.

Когда терпкий запах хвои заполнил комнату, Прохоров достал из кармана два ватных тампона, засунул в обе ноздри, включил телевизор и сел за стол. На нём стояла перевёрнутая вверх дном кастрюля.

Прохоров приподнял её. Под кастрюлей на блюде лежал пакет с нормой и ножницы.

Экран из серого стал голубым, зазвучала эстрадная музыка. Эквилибристы в блестящих костюмах раскачивались на трапециях.

Прохоров разрезал пакет, вытряхнул норму на блюдо и стал опрыскивать её из пульверизатора до тех пор, пока одеколон не скопился под ней желтоватой лужицей.

Эквилибристы перелетали с одной трапеции на другую, кувыркались в воздухе.

Отложив пульверизатор, Прохоров вытащил из нагрудного кармана пакетик с молотым перцем и тщательно поперчил норму. Потом схватил её и, стараясь не глядеть, стал откусывать и глотать не жуя.

Эквилибристы быстро спустились вниз, сделали синхронный кульбит и раскланялись, подняв правую руку.

Прохоров схватил пульверизатор, направил в набитый нормой рот, сжал грушу. Струя зашипела, холодя зубы.

На арену вышел клоун, театрально раскланялся. Из штанины его выскочила крохотная болонка, с лаем побежала по кругу. Клоун бросился за ней, споткнулся и упал.

Прохоров проглотил, попрыскал остатки нормы и запихнул в рот.

Болонка подбежала к лежащему клоуну и, вспрыгнув ему на голову поднялась на задние лапки.

Прохоров проглотил остатки, быстро отвернул пульверизатор и, запрокинувшись, отпил из пузырька.

Болонка завывала, сидя на клоуне. Зал засмеялся.

Прохоров поставил пузырёк на стол:

– Охооооо...хох... проехали... хт...

Он вытер ладонью обожжённый рот, вытащил тампоны из носа, положил на блюдо.

Собачка продолжала вить, зал смеялся. Клоун приподнял полосатый зад и осторожно пополз за кулисы.

– Очень смешно... – буркнул Прохоров, комкая пакет из-под нормы. – Усрать можно от вашего юмора...

Тампоны набухли одеколоном, плавающие в лужице крупинки перца медленно стягивались к ним.

С ноги клоуна соскочил ботинок. Клоун высунулся из-за кулис, протянул руку. Ботинок взвился и исчез под куполом цирка.

– А Чесленко что? – Винокуров переключил скорость, газанул.

– Говорит, работа слабая.

– Ну, а конкретно?

– Конкретно – экспериментальная часть куца, говорит.

– Идиот!

Винокуров крутанул руль, машина повернула. Выехали на Ильинское. Бокшеев курил, пуская дым в окно. Соловьёв смотрел на стелещуюся дорогу.

– Ну, а старик-то? – не оборачиваясь, спросил Винокуров.

– Чего старик... старик сказал, конечно. Защищал. На промышленное внедрение нажимал, на сложность испытаний. Экономия большая, там, механические свойства высокие. А Чесленко потом по таблицам пошёл. Почему, говорит, устойчивость к интеркристаллитной коррозии так мало экспериментирована? И вообще, говорит, чёрные точки очень сомнительные. Элемент произвола.

– Балбес... господи... вот балбес. А Женька говорил что-нибудь?

– Да что Женька?! Всё то же, знаешь, как он. Тот про Фому, а этот про Ерему. Тычет ему в диаграмму с никелем. Ну, где коррозионное растрескивание. У нас, говорит, скорость коррозии крайне мала. От концентрации кислоты почти не зависит. Везде, говорит, вертикальные кривые.

– Ой, Женя, Женя... Он бы лучше про стабилизирующий отжиг сказал. Хром-то равномерно по зерну распределяется, чего ж он...

Проехали пост ГАИ, свернули на просёлочную.

Бокшеев кинул окурок за окно:

– Вообще-то, старики, Чесленко прав. Ну какого чёрта Женька испытания скомкал? Ну, на МКК испытал, хорошо, скорость коррозии, структурные диаграммы, но у него даже изотермического разреза нет, ну это уж надо было...

– Но, дорогой мой, образование фаз это дело учебника, а не кандидатской.

– А как мы о перекристаллизации судить будем? По чему? Только по аустенитной устойчивости?

– Конечно! А по чему же?! Мы же состав знаем, зачем воду в ступе толочь?

– Пашенька, кандидатская – это всестороннее исследование прежде всего.

– Да Женьке достаточно механических характеристик. Серёжа! Это же уникальная сталь, как ты не понимаешь!

Тогда надо было просто оформлять изобретение, а не писать кандидатскую.

– Ну что за чушь?!

– Ладно, ребят, хватит спорить. Всё равно предварительная – это предварительная. В конце концов, ничего страшного. Крепче будет. Женьке ругань на пользу, я ж его знаю. А защитится он с блеском, вот увидите.

– Дай-то бог...

Въехали в лесок. Винокуров обогнул лужу, вырулил на полянку и выключил двигатель.

Бокшеев с Соловьёвым вылезли из машины.

С оголившихся деревьев падали дождевые капли.

– Красота-то, а?... – Бокшеев потянулся.

– Слушай, Петь, а прошлым летом не здесь были?

– Подальше... – Винокуров выбрался из кабины, открыл багажник. – Ну что, давайте устраиваться.

– Давай, давай...

Расстелили на мокрой траве брезент, поставили канистру с пивом, авоську с продуктами. Бокшеев достал из портфеля четыре воблы.

– Ну вот, а вы хотели в рыгаловку в эту идти. – Винокуров разлил пиво по стаканам. – Здесь у него и вкус-то совсем другой. А там оно мочой старого киргиза пахнет.

– Ну, Петруша, не преувеличивай. – Соловьёв стал чистить воблу. – Это ведь от бара зависит...

– От бара! Сказал тоже. Западная терминология, дорогой мой. В Москве баров и ресторанов нет, запомни. Есть тошниковки и рыгаловки.

– Да брось ты. «Националь» – тошниковка, по-твоему?

– Абсолютная! Хорошие рестораны, а тем более бары сохранились только в Прибалтике. И то пока. Лет двадцать пройдёт – и там тоже будут тошниковки и рыгаловки.

– В Ленинграде хорошие рестораны.

– Немного получше наших. Берите. – Винокуров протянул стаканы.

– Слушай, так у нас же нормы ещё, забыли?

– Ой, мама родная...

– А может, ну их, а?

– Да давай уж съедим заодно...

– А чего, идея хорошая...

– Предлагаю средний вариант. Одну съем, две выкинем.

– А что, идея что надо. И нашим и вашим. Волки сыты, овцы целы.

– Ну что, согласны?

– Распечатывай.

Винокуров распечатал свою норму, положил на газету:

– Эту, что ли?

– А хоть и эту... моя старая, вон корявая какая...

Соловьёв вытряхнул свою норму из пакетика на брезент.

Бокшеев долго рылся в портфеле, наконец выложил пакетик:

– Моя тоже сохлая.

Винокуров разломил норму на три куска, раздал:

– Давайте с пивком.

Стали жевать, запивая пивом.

На рядом стоящую берёзу села ворона, каркнула, спланировала вниз и опустилась недалеко от брезента.

– Ну что, птичка божья, – Винокуров допил пиво, отряхнул руки, – хлеба хочешь? Щас...

Он развернул бутерброды, отломил кусок белого хлеба и швырнул вороне. Соловьёв нагнулся, взял с брезента норму и кинул следом:

– Может, унесёт от греха подальше...

Ворона покосилась на лежащие рядом белый и тёмно-коричневый куски, быстро подошла, схватила белый и полетела прочь.

Лёха накрыл ладонью звонок.

– Кто? – осторожно спросили за дверью.

– Клав, открой. – Лёха оперся о косяки, но руки съехали вниз, он ткнулся головой в дверь и закачался, сохраняя равновесие.

– Нажрался, гад... первый час уже... не открою... господи...

Клавин голос удалился.

– Да чо, чо ты, Клав, – Лёха взялся за ручку, – эт я... ну, Лёшка... чо ты.

За дверью не отзывались.

Лёха откачнулся, хлопнул по звонку:

– Клав! Ну хватит. Чо ты, Клав. Чо ты... открой...

Дверь молчала.

– Открой, кому сказал! – Лёха стукнул кулаком под номер. – Открывай! Слышишь?

– Слышишь? Клавк!

– Открой! Слышишь!

– Слышь! Клавка!

– Открой! Клавка!

– Слышь! Клав!

– Клав! Клав! Клав!

Его голос гулко разносился по подъезду.

Клава не отзывалась.

Лёха долго, с перерывами звонил.

Потом замолотил по двери:

– Открой, сука! Открой! Открывай, блядь хуева!!

– Я тебе говорю! Открой!

– Открой! Клавка! Не дури!

– Открой! Открывай, ёп твою!

– Клавка! Открой! Слышь!

– Открой! Убью, сука!!

Он отошёл, чтобы разбежаться, но ноги, наткнувшись на ступеньки, подломились. Лёха плюхнулся на ступеньку:

– Ой, бля...

Соседняя дверь приотворилась, в щели мелькнуло лицо и скрылось.

Лёха встал, шатаясь, подобрёл к двери и пнул её ногой:

– Открой, говорю!

– Открой, Клава!

– Открой, говорю!

– Слышь! Открой!

Он пинал дверь, еле сохраняя равновесие.

Потом сел на коврик:

– Открой... слышишь... ну Клав...

– Слышишь... слышишь...

– Клав... открой...

– Клав... ну что ты...

– Клав... Клавка...

– Клав... открой... открой. ... открывай, сука!!!

Поднялся, пачкая руки о белёный косяк, отошёл и кинулся на дверь:

– Убью, бля! Убью, сука! Открываааай!!!

Клава открыла часа через полтора. Лёха спал, скорчившись перед дверью. Клава втащила его в тёмный коридор, закрыла дверь и, подхватив под мышки, поволокла в комнату.

– Господи... опять нажрался... господи... Ой, как же... господи... сволочь... сил моих нет...

Стянула с него грязные ботинки, отнесла в коридор. Вернулась, вывалила Лёху из пальто. Зазвенела посыпавшаяся мелочь. Клава обшарила пальто, вытащила несколько скомканных бумажек, во внутреннем кармане нащупала мягкое, упакованное в хрустящий целлофан:

– О, господи... норма... господи...

Она положила норму на стол. Деньги убрала в шкаф под стопку белья.

Лёха пробормотал что-то, заворочался.

Клава сняла с него заляпанные грязью брюки, пиджак, рубашку. Втянула на кровать, перевернула на спину, накрыла одеялом. Подошла к сопящему на кушетке Вовке, поправила выбившуюся простынь. Зевнула, сняла халат и легла рядом с мужем.

Лёха проснулся в шестом часу, встал, шатаясь, добрёл до туалета. Неряшливо помочившись, открыл кран, припал к струе обсохшими губами. Долго пил. Потом сунул под струю голову, фыркнул и, роняя капли, пошёл обратно. Сел на кровать. Потряс головой.

Клава приподнялась:

– Лёш... ты? Слышь, там норма-то... ведь не съел вчера.

– Норма?

– Ага. В кармане была. В пальте. На столе там.

– Чево?

– Норма! Норма! Чево! – зашипела жена. – Норму не съел ведь!

– Как не съел?

– Так! Вон на столе лежит!

Лёха встал, нащупал на столе пакетик:

– Ёп твою... а как же?... Чего ж я не съел-то?..

– Нажрался, вот и не съел. Жуй давай да ложись! В семь вставать.

Лёха отупело вертел в руках пакетик. Горящий за окном фонарь дробился на складках целлофана.

Лёха сел на кровать, разорвал пакетик, стал жевать норму.

– С кем выжирали-то? – спросила Клава. – С Федькой, што ль? А?

– Не твоё дело... – Худые скулы Лёхи вяло двигались.

– Конечно, не моё. А брюки твои засранные чистить да ботинки, да ждать, не случилось ли чего...

– Ладно. Заткнись. Спи.

– Сам заткнись. Алкоголик...

Клава отвернулась к стенке.

Лёха дожевал норму, посмотрел на испачканные руки. Встал, прошлёпал на кухню. Пососал из дульки заварного чайника, вытер руки о трусы. Подошёл к окну, посмотрел на спящие дома. Почесал грудь.

В доме напротив на шестом этаже вспыхнуло окно, рядом – другое.

Лёха смахнул со лба водяные капли. Понюхал руки.

Снова вытер их о трусы и пошёл досыпать.

– И главное – не принюхивайся. Жуй и глотай быстро. – Фёдор Иванович протянул Коле ложку. Коля взял её, придвинул тарелку с нормой, покосился на Веру Сергеевну:

– Мам... ты только лучше займись чем-нибудь, не надо смотреть так...

Вера Сергеевна встала из-за стола, улыбнулась и пошла в комнату.

Коля склонился над нормой.

Фёдор Иванович положил руку ему на плечо:

– Давай, давай, Коль. Смелее, главное. Я когда первый раз ел, вообще в два глотка её – раз, два. И всё. А у нас в то время разве такие были?! Это ж масло по сравнению с нашими. Давай!

Коля отделил ложкой податливый кусочек, поднёс ко рту и откинулся, выдохнул в сторону:

– Ооооо... ну и запах...

– Да не нюхай ты, чудака-человек! Глотай побыстрее. У неё вкус необычный такой, глотай как лекарство!

Коля брезгливо разглядывал наполненную ложку:

– Чёрт возьми, ну почему обязательно есть?

– Колька! Ты что?! А ну ешь давай!

Коля зажмурился, открыл рот и быстро сунул в него ложку.

– Вот! И глотай!

Коля лихорадочно проглотил, скривился, пошлёпал губами:

– Гадость какая...

– Колька! А ну замолчи! Ешь давай!

Коля проглотил новую порцию:

– Странный вкус какой-то...

– Не странный, а нормальный. Жуй!

Коля отделил другой кусочек, снял губами с ложки, прожевал:

– Странно, а... когда ешь, запаха не чувствуешь...

– Так я тебе о чём толкую, голова! – засмеялся Федор Иванович. – Потом привыкнешь, вообще замечать перестанешь.

Коля стал орудовать ложкой посмелее.

Вера Сергеевна заглянула из комнаты, вышла и, улыбаясь, встала у косяка:

– Ну как?

Коля ответно улыбнулся ей:

– Вот, мам, съел.

– Молодец.

Коля доел норму, бросил ложку в тарелку и шлёпнул ладонями об стол:

– Годидзе!

– Третья группа продолжает рисовать, вторая встаёт и идёт на горшочки! – Людмила Львовна подошла к низеньким столикам, за которыми сидели дети, хлопнула в ладоши: – Раз, два! Ну-ка, все дружно отложили карандаши и встали! Раз, два!

Дети стали нехотя вставать.

– Ну-ка, быстро! Маша, я кому говорю?! Успеете ещё порисовать. Андрей! Это что такое? Встали, пошли за мной! Не бежать! Идти шагом.

Девятнадцать пестро одетых девочек и мальчиков двинулись за Людмилой Львовной.

Вышли в коридор, стали подниматься по лестнице на второй этаж. Людмила Львовна поднималась первой:

– Не обгонять друг друга. Идти спокойно. Шуметь не надо.

Её голос громко звучал в лестничном пролёте.

Топоча ножками, дети поднимались вверх.

На втором этаже, обогнув оставленные малярами стремянки, прошли свежевыкрашенным коридором. Возле двери с забрызганной краской табличкой «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН!» Людмила Львовна остановилась:

– Разобраться по парам. Не шуметь! Постников! Сколько раз можно говорить?! Отстань от неё!

Дверь отворилась, вышла нянечка, вытирая руки тряпкой.

– Ну, как? – повернулась к ней Людмила Львовна.

– Готово, – улыбнулась нянечка.

– Проходите, не толпитесь. И по порядку на горшочки.

Дети стали входить в комнату. Она была не очень большой, с двумя зашторенными окнами. Вдоль стены на узком деревянном помосте стояли двадцать белых пронумерованных горшков.

– Это какая, вторая? – спросила нянечка, пропуская детей и протянутой рукой касаясь их головок.

– Вторая. – Людмила Львовна вошла и встала напротив помоста. – Садимся спокойно, не мешаем друг другу. Андрей! Сколько раз тебя одёргивать?

Дети, спустив штаны, расселись по горшочкам.

– А что, не все? – Нянечка махнула тряпкой на пустующий горшок.

– Шацкого нет.

Людмила Львовна прислонилась к стене.

Нянечка отжала тряпку над ведром и положила на подоконник.

– Штанишки на коленках. Ниже не спускаем. Не толкаем соседей! Света! Кто не покакает, тот рисовать не пойдёт!

– А я не хочу.

– И я, Людмил Львовн.

– Посидите, посидите. Захочется. Не толкаемся, кому говорю! Кто покакал, тот встаёт.

Дети смолкли. Некоторые начали кряхтеть.

Через несколько минут трое поднялись, подтянули штаны и сошли с помоста. Потом встала девочка, придерживая юбку зубами, натянула трусики.

– Кто покакал, тот не шумит и спускается в зал. Не шумит и не задерживается, Рубцова!

Девочка скрылась за дверью.

Встали ещё несколько детей.

– Так, Алексеев не покакал, он садится снова. – Людмила Львовна подошла и усадила улыбающегося Алексеева. – Пашенко Наташа, ты ещё не хочешь посидеть? Ну, что это за крошка, куда это годится?

Пашенко мотала головой, натягивала колготки:

– Я не могу, Людмила Львовна.

– Ну, беги, ладно. Алексеев, не болтай ногами!

Нянечка унесла ведро.

– Людмила Львовна, а я только пописал.

– Теперь покакай.

– А я не могу. Не могу писать и какать. Я или пописаю, или покакаю.

– Не выдумывай. Сиди.

– А я всё равно не покакаю.

– А ты постарайся.

Встали четверо.

– Тебя что, прослабило? – Людмила Львовна заглянула в горшок Фокина.

– Неа.

– Чего – неа? Вон, понос, жидко совсем. Иди. Руки надо мыть перед едой.

Фокин разбирал запутавшиеся помочи.

– Господи, перекрутил-то! – Вошедшая нянечка стала помогать ему. На горшках остались шестеро.

– Ну как, Алексеев?

Алексеев молча теребил сбившиеся на колени трусы.

Одна из девочек громко кряхтела, уставившись расширенными глазами в потолок.

Бритоголовый мальчик громко выпустил газы.

Людмила Львовна улыбнулась.

– Вот, Алексеев, бери пример с Купченко!

Две девочки встали. Потом встал бритоголовый, потом ещё один. Сосед Алексева тужился, сцепив перед собой руки.

Людмила Львовна достала из кармана халата часы.

– Самая быстрая группа. Первая, так та сидит, сидит... Гершкович разревется, как всегда... У тебя бак готов?

– А как же.

Нянечка открыла шкаф, вытащила большой алюминиевый бак с красной надписью:

ДЕТСАД № 146
ВНИИМИТ
НОРМАТИВНОЕ СЫРЬЁ

Сосед Алексеева встал, с болтающимися у колен штанами проковылял с помоста:

– Я всё, Людмила Львовна.

– Ну, иди.

Вытянув руку, Алексей ковырял застёжку сандалии.

– Что, один остался? – улыбнулась нянечка, снимая крышку с бака.

– А он всегда до последнего сидит.

Людмила Львовна зевнула, подошла к окну:

– Алексей, у тебя мама во Внуково работает?

– Она инженер.

– Но во Внуково?

– А я не знаю. Она билеты проверяет.

– Ну так, значит, во Внуково.

– А я не знаю.

– Ничего ты не знаешь.

Нянечка вынула из шкафа ведро и крышку.

– Ну что, не покакал, Алексей?

– Так я ж не могу и писать и какать вместе.

– Тогда сиди.

Нянечка, придерживая содержимое горшков крышкой, сливала мочу в ведро, а кал вываливала в бак.

– Кто-то обманул. – Людмила Львовна заглянула в пустой горшок. – Кто же сидел здесь?..

Покревская, наверно.

– За всеми не усмотришь.

– Точно. Алексей! Видишь, что ты мешаешь? Сколько можно ждать?

– Но я какать не хочу.

– Не будешь рисовать сегодня.

– А я и рисовать не хочу.

Людмила Львовна остановилась перед ним, вздохнула:

– Вставай.

С трудом отлепив зад от горшка, Алексей встал.

В горшке желтела моча.

– Иди. Точно смотреть на тебя. И чтоб к карандашам не притрагивался! Будешь цветы поливать.

Алексей подобрал штаны, глядя на работающую нянечку, стал застёгиваться.

Нянечка выплеснула мочу из его горшка в ведро:

– Так и не выдавил ничего, сердешный.

Людмила Львовна заглянула в бак:

– Тогда минут через десять я первую приведу.

– Ладно.

Алексей издали посмотрел в бак и вышел за дверь.

– Прелесть какая, – Марина провела рукой по Викиной груди, – действительно стоит. Чудо.

Голая Вика сидела на тахте, прислонившись к стене, и жевала яблоко. Марина лежала навзничь головой у неё на коленях:

– Ты как кинозвезда.

– Кинопизда.

Вика хохотнула, большая грудь её дрогнула.

– Серьёзно... смотри... сначала плавно, плавно, а потом раз... и сосочек... прелесть...

Рука Марины скользнула по груди, коснулась соска и стала ползти по складкам живота:

– И пупочек прелесть... аккуратненький... не то что у меня...

– У всех одинаковые.

– Неправда.

– Да ну тебя! Ну, морда там, ну грудь – ясно, но пупки-то у всех одинаковые! Плесни немножко...

Марина приподнялась, взяла со стола бутылку, налила в стакан.

Из-за голубой ночной лампы вино казалось фиолетовым.

Марина отпила глоток и протянула Вике:

– Пей.

Вика обеими руками приняла стакан, медленно выпила, поморщилась:

– Портвин он и есть портвин. Чем дальше, тем хуже.

– Не нравится?

– Нет. Хуйня, честно говоря. Ну да я сама виновата. За дешёвкой погналась.

Вика стряхнула с живота яблочное семечко. Марина подвинулась к ней, поцеловала в уголок губ. Вика повернулась. Они обнялись. Стали целоваться. Потом упали на кровать.

Марина оказалась сверху. Целуя плечи и грудь Вики, она стала ползти вниз, но Вика приподнялась:

– Маринк, слушай, давай попозже... я что-то не отойду никак. Не хочется что-то...

Марина оперлась руками о тахту, поцеловала Вику в живот:

– Ваше слово – закон, мадам. Может, кофейку выпьем?

– Давай.

Они встали, прошли на кухню. Марина задёрнула шторы, зажгла свет. Вика села за стол, зевая, посмотрела на отделанный деревом потолок:

– Симпатная кухонка.

– Нравится?

– Ага.

– Это муж покойный.

– Он что – умер?

– Разбился.

– Давно?

– Шесть лет назад.

– Тебе с ним хорошо было?

– По-разному.

– Ласковый был?

– В постели?

– Ага.

– Да нет, что ты. Разве мужчины могут быть ласковы? Он весёлый был. Хозяйственный. А ласковым – никогда...

– Эт точно. Я весной с одним попробовала – и опять то же самое. Лишь бы засунуть. А потом спать.

Марина понимающе кивнула, стала заваривать кофе.

Вика легко шлепнула её по задку:

– А у тебя попка ничего. Беленькая, безволосая...

– Тебе волосатые не нравятся?

– А кому нравится? Я с армянкой одной рискнула переспать, так плевалась потом. У тебя вон какая чистенькая...

Вика быстро раздвинула Маринины ягодички и поцеловала сначала между, потом их:

– Сладкий кусочек... булочки...

Марина улыбнулась, поставила полную турку на огонь:

– Слушай, Вика, а ты тогда в троллейбусе точно знала, что я лесби?

– Ну как же точно можно?.. Ведь не написано...

– Но что-то чувствуется, правда? Какие-то волны, поля...

– Конечно. Ты так посмотрела быстро, ну я и подумала.

– Я флюиды испускала. Волны любви.

– А я подошла тогда и грудью, помнишь, оперлась о руку твою. Ты её на поручне держала.

Думаю, если уберёт, значит, пустой номер.

– А я прямо затряслась вся! Переволновалась страшно! Я красная была?

– Немного. Такая розовенькая, симпатичная. Юбочка клетчатая.

– А ты тоже мне сразу понравилась. Высокая, стройная...

– А потом народу всё меньше и меньше. Конечная, а в салоне четверо. Ты, да я, да два мудака каких-то. И ты про две копейки спросила.

– Всё-таки Бог есть, правда? Это ж не случайность!

– Чёрт её знает. А может – случайность.

– Нет, это закономерно всё. Любимые должны быть вместе.

Кофе закипел, Марина быстро сняла турку с огня, разлила по чашкам:

– Вообще так здорово, когда с новой любимой, правда?

– Ещё бы. В новинку. Слаще. У меня вон одна живёт изредка, ну как бы постоянная.

Но надоедает всё-таки. Ссоримся часто. А до неё тоже была одна. Лариска. Старше меня лет на семь. Так мы с ней поругались здорово. У неё одно на уме – свечку суй ей и клитор соси. Одновременно чтоб. Я говорю – на хуя тебе я тогда? Найди мужика, он хуй вместо свечки засунет. Она обиделась... но попochку твою я сегодня помучаю.

– А я твою грудь. Пей, прелесть моя.

Они взяли чашки.

Марина подвинула вазочку с вареньем:

– Бери.

– Нет, я так люблю.

Склонились над чашками.

Длинные Викины волосы поползли с плеч. Придерживая их, она отхлебнула, и Марина отхлебнула из своей:

– Оля-ля... арабик, аромат...

– Это что, сорт такой?

– Ага. На Кировской покупала.

– Развесной?

– Ага.

– Здорово. Пахнет сильно.

– Его не бывает что-то последнее время.

– Редко?

– Ага. Пей с конфетой.

– Я не люблю сладкое.

– Ну, как хочешь. А я люблю.

Марина развернула конфету.

Вика подула на кофе, подняла голову:

– Маринк, а что это над раковиной висит?

– Ааааа, – улыбаясь, Марина отправила конфету в рот, – угадай.

Вика встала, подошла к раковине. Над ней висело сооружение из двух небольших, обтянутых марлей колб. На горлышке нижней поблёскивало металлическое кольцо, от него тянулась вниз полупрозрачная трубка. Из трубки в раковину капала мутно-коричневая жидкость.

– Чёрт её знает, – Вика откинула назад волосы, – поебень какая-то...

Марина встала, подошла к ней, обняла:

– Детка, этот аппарат собирал академик. Мой дедушка. Не чета нам с тобой. Так что немудрено, что ты не понимаешь.

– Ну а зачем он тебе?

– Ты в институтах не училась?

– Конечно. Чего я там не видела?

– А ты кем работаешь?

– Соками торгую.

– А я преподаю в МГУ.

– Ни хуя себе! Ты что, профессор?!

– Нет. Старший преподаватель плюс младший научный сотрудник.

– Ни хуя себе! Во влипла я!

– Так вот... – Марина провела пахнущими кофе губами по смуглому Викину плечу, – аппарат этот для обработки нормы.

– Правда?

– Да.

– Здорово...

– Это мой дедушка сделал. Он химик был. Ты норму пробовала хоть раз?

Однажды рискнула. У Зинки Лебедевой кусочек отщипнула.

– То-то, киса. А я регулярно. Двенадцать лет. Но благодаря моему гениальному дедушке она уже ничем не пахнет. Ясно?

– Ясно. Молодец дедуля. И долго так висеть ей?

– Сутки. Норму с вечера намочишь в крутом таком содовом растворе, размягчишь, чтоб кашицей стала. А потом в аппарат. Туда мела, соляной кислоты и немного едкого натра. Вот. В горячей воде час, а потом над раковиной. А через сутки она отвисится, колбы разъединяю, там внутри формочка стеклянная, такая же, как норма – квадратная... формочки – плюх... – Марина провела рукой по Викиному животу, погладила гладко выбритый лобок, – и милости просим. Такая же норма.

– А не вредная она после всех этих кислот?

– Нет, что ты. Они нейтрализуют. Ничем не пахнет. Как глина.

– Но тогда, может, лучше делать из чего-нибудь?

– Нет киса. Это не то.

Прижавшись к ней, Марина гладила её гениталии.

– Почему не то?

– Потому что это не норма. Это подделка. А за подделки у нас... прелесть какая... как ракушечка раскрывается... за подделки у нас не милуют. А тут всё в норме. В норме...

Они обнялись. Целуя Марину, Вика потянула её за руку:

– Пошли, пошли скорей.

– Что, наконец захотелось, киса? – таинственно засмеялась Марина. – Пошли...

Миновав тёмный коридор, они оказались в комнате.

Вика быстро легла на тахту, подложила под зад подушку, но вдруг приподняла голову:
– Слушай, Маринк, но после аппарата-то всё равно ведь говно? Ведь правда? Или другое что-то получается?

Марина осторожно ложилась на неё валетом:

– Да нет. Конечно, говном остаётся. Тут как ни перегоняй, ни фильтруй – всё равно. Из говна сметану не выгонишь...

– Это точно.

Марина опустилась на Вику, провела руками по расслабившимся бёдрам любовницы, погладила колени:

– Но ты на этот счёт не беспокойся, киса. Тебе ведь всё равно не жевать.

Вика улыбнулась в темноте и, недолго поискав, нашла губами в нависших над лицом гениталиях набухший влажный клитор Марины.

Ключи запутались в скомканном носовом платке.

Людмила Ивановна вытянула их за потёртый плетёный ремешок, отперла нижний замок, потом верхний.

Вошла. Положила сумочку на высокую тумбочку в прихожей, покосилась на себя в зеркало. Подкрашенная чёлка растрепалась, цветастый шарф слишком сильно выглядывал из-за воротника пальто.

Разделась, скинула туфли и босиком прошла на кухню.

Пластмассовый приёмник трансляции оказался привёрнутым не до конца, комариный голосок диктора передавал последние новости.

Людмила Ивановна повернула ручку. Голос окреп, заполнил кухню.

Сваренный утром суп стоял на плите. Кран по-прежнему тёк, вода проложила по эмали ржавую дорожку.

Людмила Ивановна открыла холодильник, достала масло, кусок колбасы и яйцо.

Диктор кончил перечень международных событий и более спокойным голосом заговорил о спорте. Людмила Ивановна зажгла две горелки, поставила суп и пустую сковородку, на которую бросила масло.

За окном послышалось хлопанье крыльев. Голубь сел на подоконник, посмотрел на Людмилу Ивановну. Она улыбнулась голубю и пошла в комнату. Телефон стоял на диване. Гвоздики в зелёной вазе были всё так же свежи. Людмила Ивановна набрала номер, поправила волосы:

– Привет... Почему так быстро? Аааа... И успел? Молодец. А я только что. Ага. Приплелась. А у нас собрание было. Какое-какое... профсоюзное. Вот-вот. Правда? Ну, ты гигант. Тебе? А ты? Правда? Ну, слушай! Просто гений! Супермен. Да. Ага. Да, после, конечно... Да... Да... Гвоздики твои целы до сих пор. Смотрят на меня. Стоят как миленькие. И такие красивые! Ну... конечно, конечно... Не хвались. Это грузин надо благодарить, не тебя. Как за что? За то, что вырастили, срезали, привезли. Продали. Да. Да, именно. «Нэ сажал, нэ пахал, только кушат любишь». Вот-вот. Не-а. Подумаю. Нет, ну его. Чего смотреть, Саша, милый. Любовь на фоне производства меня не волнует. Я ею на работе сыта. Ага. Можешь понимать в прямом. Да! Именно! Куй железо, пока горячо. Да, не отходя от кассы. В кассе? Ну, ты хулиган... Ну, слушай... прекрати... Сашка! Хам ты форменный... в кассе! О, боже! Там у нас такая секс-бомба сидит! Микулина Антонина Павловна. Мечта папуаса. Семь на восемь. Да. Да. Не-а, не пойду. Устала я, Сашенька. Годы не те, чтоб прыгать. Ага. А я не приbedняюсь. Что? А где они? Да? И когда? Завтра? Чудесно. Сегодня? Ну, давай, если хочешь. Ну... если будешь вести себя хорошо. Может, пущу. Да! А может, выгоню. Ты хулиганишь последнее время. Кусаешься. У меня синяк до сих пор, между прочим. Да, да. А я не пью, Саша. С тех самых. Ага. Ну, если

очень попросишь. Да. Ладно. Может, отопру. Не-а. Шаром покати... Ой! У меня же масло там! Горит! Сашка! Целую! Давай! Бегу!

Людмила Ивановна бросила трубку, побежала на кухню.

Масло отчаянно кипело, подгорая по краям сковороды. Суп тоже кипел.

Людмила Ивановна выключила суп, покрошила колбасу, разбила яйцо, которое почти тут же свернулось.

Вместо диктора пел Лев Лещенко.

– Погоду опять прослушала... – Она налила супу в тарелку, осторожно донесла, поставила на стол. Сковородку на керамическом кружке поставила рядом. Достала из буфета хлеб, отрезала. Села, зачерпнула суп, тряхнула головой:

– Господи... а норма-то... ёксель-моксель...

Побежала в коридор, достала из сумочки норму, на кухне разорвала целлофановый пакет, вытряхнула светло-коричневое содержимое на тарелку. Суп дымился рядом. Яичница остывала, пузырьки масла сновали медленней. Людмила Ивановна отделила ложкой кусочек нормы, отправила в рот и тут же заела супом. Прожевала хлебца. Потом отделила кусок побольше, положила на яйцо и перемешала с желтком.

– А посолить забыла, рохля... как всегда...

Встала, достала соль в деревянной плошке. Посолила яичницу. Суп был слишком горячий. Людмила Ивановна положила в него оставшуюся норму, отодвинула тарелку и принялась за яичницу.

Колбаса хорошо прожарилась, похрустывала на зубах.

Лещенко весело пел о лесорубах. Голубь всё ещё сидел на подоконнике, пугливо косился сквозь стекло.

Разделавшись с яичницей, Людмила Ивановна стала хлебать остывший суп. Светло-коричневая масса нормы разбухла, податливо развалилась на комки. Суп был грибной.

– Иван Трофимыч! – Оглядываясь на вход, ученики сгрудились возле Самотеева. – Барвицкий идёт!

Иван Трофимович удивлённо рассмеялся:

– Быть не может! Да вы что? Он же восемь лет со мною не здоровается.

– Идёт, идёт! Я в раздевалке видел.

– И я.

– С женой?

– Один, Иван Трофимыч.

– Не верится что-то... разыгрываете небось?

– Да что вы! Вон, смотрите!

Барвицкий вошёл, с порога прищурился на развешанные картины. Переложив гвоздики в левую руку, достал удостоверение, показал седоволосой старушке-билетёрше.

Иван Трофимович покачал головой:

– Чудны дела твои, господи...

Улыбаясь, Барвицкий осмотрел три висящие рядом с входом картины, обошёл группу столпившихся возле «Дороги жизни» и, ища глазами, двинулся к Самотееву.

Иван Трофимыч шагнул из толпы учеников навстречу.

Барвицкий был в элегантном сером костюме, остренькая седенькая борода упиралась в бежевую водолазку, очки радостно поблёскивали.

Переговаривающиеся ученики смолкли, повернулись.

Барвицкий подошёл к Самотееву:

– Поздравляю, Ваня.

– Спасибо, Феликс.

– Всё – потрясающе. Просто глаза открыл мне.
– Да что ты, что ты... так, работа как работа...
– Нет, Ваня. Это не просто так. Потрясающее искусство... И вот пусть оно будет так же вечно и живо, как эти цветы... так же свежо...

Он протянул гвоздики.

– Спасибо, Феликс, спасибо...

Часто заморгавший Самотеев взял цветы и побледнел, замерев над ними. Гвоздики были пластмассовые.

Барвицкий усмехнулся:

– Козьма Прутков сказал: если хочешь быть гением – будь им. Будьте гением, Иван Трофимович. Ваши картины в Лувр просятся. В галерею Тейт. В Прадо! Экий матёрый человечик! Посмотрите на него, как он скромен и возвышен!

Дрожащие пальцы Самотеева мяли пластиковые стебли:

– Негодяй... гадина...

Он шагнул к Барвицкому, но тот боком заспешил к двери:

– Малой дальше, лакировщик! Бабу с веслом ещё не написал? Пионера с горном? Трудись!

Самотеев шёл на него:

– Сволочь...

Барвицкий лавировал между онемевшими посетителями:

– Золотые рамки не заказал ещё?

Самотеев кинул в него гвоздики.

Со слабым треском они попадали на пол.

– Он мне ещё в Суриковском завидовать начал, – со вздохом проговорил Иван Трофимыч, разрезая норму вдоль, – хотя он был намного талантливей. Особенно в рисунке. На третьем курсе мы в Ялту на практику поехали, море писали. Ну и три моих этюда в пример поставили. А раньше только он в фаворе был. Ну и началось...

Самотеев посыпал обе половинки зеленью, сложил и стал есть.

Горохов и Старостин сидели напротив.

– А потом в Союз меня раньше приняли. И первая персональная тоже у меня раньше, чем у него, была. Он там был, придрался к пустяку и наговорил гадостей, как сегодня. Патологически завистливый человек. И по-моему, не совсем нормальный уже. На творчестве это быстро сказалось. Пишет ужасно. Он хотел тоже Горького написать, как и я. Но что из этого вышло – вы видели, наверно.

Горохов кивнул.

– И сейчас... гвоздики эти... – Самотеев грустно улыбнулся. – А я тоже хорош... расстроился, орал что-то. Надо было просто посмеяться. А вышло, что он надо мной посмеялся...

– Да что вы, Иван Трофимыч, это он над собой посмеялся. Лицо свое показал. У него и учеников не осталось.

– Да я слышал.

– Крылов ушел, Дроздецкий тоже, Рая Гликман ушла...

Самотеев кивнул:

– Ну и поделом ему. Сам виноват.

– Сам.

– Сам, конечно.

Самотеев отправил последний кусочек в рот и вытер слегка запачканные руки салфеткой.

– Тётъ Катъ, а вы? – Георгий остановил у рта вилку с насаженным опёнком.

– Кушай, кушай, я после, – улыбнулась Екатерина Борисовна.

– Да чего ж после, я что, как хам, есть буду, а вы смотреть?

– Ешь, Жора, я не хочу, ей-богу. Я в четыре отобедала.

Георгий сунул в рот опёнок, отломил хлеба:

– Все равно неудобно как-то... у нас вон никогда поодиночке не садятся. И в Астрахани, и здесь – всё равно. Всем семейством.

– Так у вас же семья – восемь человек! А я одна на весь этаж.

– Как на весь?

– Так на весь. Зворыкины за границей.

– Это переводчик который?

– Да. А Мамонтовы с юга не вернулись ещё.

– Ясно...

Георгий налил вторую стопку, выпил.

Екатерина Борисовна поставила перед ним сковороду жареной картошки:

– Вот, наворачивай. Норму как следует заесть надо. Чтоб ни запаха, ничего... Отец мой покойный квасом запивал. А после водки и поест поплотней...

Георгий принялся за картошку.

Екатерина Борисовна взяла со стола пакетик из-под нормы, скомкала, кинула в мусоропровод.

Чайник закипел, вода побежала из-под крышки.

Екатерина Борисовна выключила его.

– Тётъ Катъ, а тётя Наташа с вами до последнего жила? – не поднимая головы, спросил Георгий.

– До самой больницы. Потом-то три месяца в больнице, и всё. Быстро у неё. Рак – он быстрый.

Она вздохнула, вытерла руки о фартук и села напротив.

Георгий налил стопку:

– Я вот одного понять не мог – как это она снайпером, на фронте... Маленькая такая.

– Да. А тогда она вообще крохотной была, тонюсенькая. В сорок втором провожали её, прям как девочка. Две косички и шинель до пят. Ревела я тогда белугой...

– И она девяносто два фрица ухлопала?

– Да. Девяносто два. Офицеров штук двадцать. Одного, говорит, не то майора, не то подполковника. С крестом, старого такого. Грузного. В грудь ему пустила, а он будто пьяный – улыбнулся и сел. Сидит и улыбается. А потом повалился.

– А вернулась в сорок пятом?

– Да.

Георгий выпил, закусил опятами.

– Я вот, тётъ Катъ, до сих пор жалею, что не видел, как вот она там с наградами в кителе. Ну она ведь на День Победы надевала?

– Надевала. А ты правда не видел?

– Ни разу!

– И наград не видел?

– Только на похоронах. Несли когда. А так – нет.

Екатерина Борисовна встала, пошла в комнату:

– Идём покажу.

Георгий проглотил опёнок, двинулся за ней.

Екатерина Борисовна открыла старый платяной шкаф, сдвинула в сторону висящие на плечиках платья и пальто, вынула обёрнутый марлей китель:

– Держи.

Георгий принял вешалку, Екатерина Борисовна сняла марлю.
Китель был увешан медалями. На правой стороне лепились два ордена.

Георгий присвистнул:

– Здорово.

Екатерина Борисовна поправила завернувшийся борт и отошла, сложив руки на животе:

– Вот, Жора. Китель Наташин.

Георгий рассматривал медали. Пахнувший нафталином китель качался у него в руках:

– За Победу... За Берлин... а это... Варшава... а ордена. Ух ты!.. Красной Звезды и Красного Знамени. Здорово.

Он потрогал китель:

– И что, она капитаном вернулась?

– Капитаном. Чуть майора не дали.

– А ушла?

– Лейтенантом, кажется. Сразу после училища.

Екатерина Борисовна взяла у него китель, поднесла к окну.

Георгий провёл ладонью по линиям на спине и задержал руку.

– А это что?.. Внутри там что-то...

– Аааа... – она улыбнулась, сунула руку за отворот, – это норма Серёжина...

Она осторожно вынула из внутреннего кармана кителя грубый бумажный пакет, передала Георгию.

На пакете было оттиснуто красным:

НОРМА

Пакет был надорван. Георгий заглянул внутрь:

– Норма... надо же...

Екатерина Борисовна вздохнула:

– Да. Это в сорок третьем. Когда убили его под Сталинградом, то есть не убили, ну, ранили тяжело, а в госпитале он и умер. А друг его, Иванютин, и передал Наташе. Они ведь с ней перед самой войной расписались. А норму он Наташе передал, Иванютин. Ещё карточки остались, письма. И норма. Вот...

Она положила китель на диван и стала укутывать марлей.

– А можно норму посмотреть, тётъ Кать? – Георгий вертел в руках пакет.

– Смотри, чего там...

Он вытряхнул норму на ладонь. Она была чёрная и твёрдая.

– Да... во какая...

– Не то что теперь, правда?

– Конечно.

Теперь и пакетик аккуратненький, жаль выкидывать, и сама-то свежая, как масло.

Георгий разглядывал норму:

– Тётъ Кать, а интересно, кто им нормы поставлял тогда? В войну?

Екатерина Борисовна понесла спелёнутый китель к шкафу:

– Да по-разному. Детдома эвакуированные, детсады. А иногда и просто – тыловики.

– Понятно.

Георгий постоял, потом качнул плечами:

– Тётъ Кать, а вот если... ну... А вот нельзя немного попробовать? Всё-таки ж интересно... какая она была...

Екатерина Борисовна повернулась, подумала и кивнула:

– Да попробуй. Чего уж там. Ножом отщипни маленько да попробуй... А вообще-то погоди, она ведь засохла вся. Её над паром надо или в кипятком.

– Точно! Я кусочек отломлю – и в кипяток!

Минут через сорок Георгий осторожно подвёл ложку под разбухший кусочек нормы и вынул его из помутневшей воды.

Екатерина Борисовна мыла тарелки.

Георгий понюхал кусочек, лизнул:

– Что-то запаха никакого, тётъ Катъ...

– Милый мой, так сколько времени прошло. Ещё бы.

Георгий отправил содержимое ложки в рот, пожевал и проглотил.

Екатерина Борисовна, вытирая сковороду, смотрела на него:

– Ну как?

Георгий пожал плечами:

– Не знаю... что-то непонятное. Пересохла, конечно, странный вкус...

Екатерина Борисовна усмехнулась:

– Какой странный? Такая же норма.

– Не совсем. Привкус какой-то. Не похожий...

– Ну так мы и жили не похоже, что ж удивляться. Вы ж над модами нашими смеётесь, а они-то как раз и возвращаются. Вот как.

– А я никогда не смеялся. Просто привкус странный.

– Бог с ним, с привкусом. Главное – норма.

– Открой хоть окно, что ли! – Денисов зло посмотрел на жену. – Вонюща, чёрт знает...

Светлана Павловна отодвинула тюлевую занавеску, стала открывать окно. Денисов склонился над нормой, понюхал:

– Господи... мерзость какая... откуда они такую вонючую берут?..

– Это из интерната Первомайского, откуда ещё.

– Гадость какая... чёрные комки какие-то...

– Ты нос зажми да проглоти. В первый раз, что ль, ешь?..

Из окна потянуло гарью.

Светлана Павловна села на диван, взяла вязание.

Денисов зажал нос, быстро запихнул норму в рот и стал натуженно жевать.

Норма не помещалась во рту, лезла из губ. Денисов вдавил её ладонью назад, глухо икнул, вскочил и наклонился над столом. Его вырвало нормой и только что съеденным обедом.

– Боже мой! Женя! – Светлана Павловна бросила спицы. – Ну что ты!

Денисов сплюнул, тяжело выдохнул, отходя из залитого рвотой стола:

– Фуууу... сука... гадина...

– Иди воды попей! Куда ты торопился-то?! Зачем всю?!

– Да отстань ты!

– Попролам бы разрезал да съел.

– Отстань.

Он скрылся на кухне.

Светлана Павловна подошла к столу подняла край скатерти, с которой текло на пол, загнула и положила на лужу.

Тарелка, ложка, роговые очки Денисова и свежая «Вечёрка» были залиты розоватой, остро пахнущей жижей. Куски нормы торчали из неё.

– Борщ такой... курятина... всё пропадом...

Она осторожно подняла очки, стряхнула.

Денисов вышел из кухни, вытирая рот полотенцем.

– Что ж теперь делать? – спросила жена, уходя мыть очки.

– Сухари сушить, – огрызнулся Денисов и тяжело опустился на диван.

Задетый им клубок покатился по полу.

Жена вернулась, положила очки на тумбочку. Денисов угрюмо посмотрел и отвернулся.

– Ну что, не выкидывать ведь, Жень?

– Давай выкидывай.

– Ну чего ты злишься? Что, я виновата?

– Я виноват! Накормила обедом, тоже мне...

– Так ты ж сам просил!

– Просил, просил... ничего я не просил. Суёшь вечно...

– Просил, не ври!

– Ладно, отстань.

– Ну что отстань? Что с нормой делать?

– Что хочешь, то и делай.

Помолчали.

Потом Светлана Павловна вздохнула, сходила за чистой тарелкой, выбрала на неё куски нормы и унесла на кухню.

Денисов сидел, играя вторым клубком.

Светлана Павловна вымыла под краном разваливающиеся куски, сложила в тарелку и, вернувшись, поставила на диван рядом с Денисовым:

– Вот и делай что хочешь.

Денисов равнодушно посмотрел на норму.

Светлана Павловна принесла таз и тряпкой стала сливать в него рвоту:

– Целый день с двенадцати готовила, старалась... на тебе... чего, спрашивается, торопился?

Денисов тронул пальцем лежащую на тарелке норму, брезгливо поморщился:

– Слушай, унеси её к чёрту.

– А есть?

– Пушкин съест.

– Жень, ну хватит тебе.

Убрав рвоту, она подняла клубок, забрала другой у Денисова и села вязать.

Он встал, включил телевизор.

Шла программа «Время». Диктор рассказывал о ливанских сепаратистах.

Денисов повернул ручку. По четвёртой программе шёл спектакль «Лес». Карп выносил Несчастливцеву рюмку водки. Играющий Несчастливцева Ильинский потопал ногами, что-то станцевал и выпил рюмку.

Денисов усмехнулся и снова переключил на «Время».

Женщина-диктор, чуть склонив завитую голову, говорила о новом премьер-министре Индии.

Денисов сел на диван.

Жена вязала, изредка поглядывая в телевизор.

Международные события кончились, и оба диктора, чуть улыбаясь, заговорили о новом театральном сезоне в Москве.

– Надо бы Сотсковой позвонить, – не поднимая головы, проговорила Светлана Павловна.

– Насчёт билетов?

– Ага. Сто лет в театре не были.

– Позвони.

Денисов выбрал из тарелки небольшой кусочек и сунул в рот.

На экране появилось лицо Ефремова.

Светлана Павловна улыбнулась:

- Слушай, а он на Лёвку всё-таки здорово похож.
- Скорее, Лёвка на него, – отозвался Денисов, нашаривая новый кусочек.

Новицкий засмеялся, открыл заварной чайник и помешал в нём ложечкой:

- Да нет, Саша, это разные величины. И разрабатывали они противоположные идеи.

Аккуратов подвинул ему свой стакан:

- Вот уж идеи-то совсем рядом лежат.

– Совсем не рядом. Пикассо всю жизнь утверждал кисть художника в качестве волшебной палочки. Достаточно коснуться чего угодно – холста, железа, глины, бронзы – и всё сразу приобретает статус абсолюта, а Дюшан в своих реди-мейд показал, что нас уже окружают в повседневной жизни произведения искусства. Унитаз, колесо, фотографии семейные. Всё это достойно выставки.

Новицкий налил в стакан чаю и поставил чайник на стол.

Аккуратов принял стакан, подул и отхлебнул:

– Но это же очень близко, рядом почти. Пикассо было достаточно кисти, а Дюшану – выбора. Художественного вкуса.

– Абсолютно неверно! Дюшан, выставляя унитаз, пыль или фотографии, показал, что такое искусство в целом. О каком художественном вкусе может идти речь? Наоборот, он всячески доказывал, что художественный вкус тут неуместен. Произведение искусства – это то, что может быть рассмотрено. Не важно, кем, и когда, и с какой целью изготовлен предмет. Он переводится в область эстетического и становится экспонатом. Гениальная формула. Почти за пятьдесят лет до концептуализма. А Пикассо выводил другую: всё, к чему прикоснулся художник, – произведение искусства.

– Но есть ли следы прикосновения? А? Ах, нет! В том-то и отличие Дюшана от Пикассо. Для Дюшана принцип художественной избирательности был упразднён, а для Пикассо он оставался в силе.

Новицкий распечатал пакетик с нормой и, не вынимая её, стал отковыривать чайной ложечкой и есть.

Аккуратов пил чай с баранками:

– Но всё-таки вначале был Пикассо, потом Дюшан. И влиял-то первый на второго, а не наоборот.

– Я этого не оспариваю. Пикассо на всех повлиял. Весь русский авангард – отзвук его разработок. Малевич сам признаёт это. Да и остальные тоже. Самое удивительное, что он-то себя считал вполне традиционным классиком! То есть полагал, что делает в принципе то же самое, что Леонардо и Рафаэль. Но они-то сами были творцами, жизнедеятелями, а не полагались только на волшебную палочку.

- Ты хочешь сказать, что за Пикассо трудился его метод?

– Несомненно. Это тот показательный случай, когда видно, насколько изобретатель ничто по сравнению со своим открытием.

– Да ну, что ты говоришь! Пикассо блестяще рисовал, поразительно чувствовал цветовое равновесие. Так о Дюшане можно сказать, а не о Пикассо. Пикассо доказал, что он гений, что он может всё. Всё. Абсолютно. Не было техники, не было направления, которого он бы не освоил. Он был и дадаистом, и фовистом, и сюрреалистом, и кубистом, наконец...

– И ни в одном из этих направлений не приблизился к уровню отцов-основателей. Ты посмотри – Брак и Пикассо. Кто работал добросовестней, чище? Брак! Матисс и Пикассо? Матисс! Ну, Пикассо-сюрреалист – вообще жалкий случай. Пикассо-скульптор – тоже! Пикассо комплексный художник, его работы надо рассматривать в целом, в целом! И картины, и скульптуры, и графику, и куклы, и изделия все свезти в один музей, специально для них устроенный, чтобы рассматривать в целом. Только тогда он потрясает. И вовсе не знанием пла-

стики и цветового равновесия, а ме-то-дом. Метод открыт, заклинание найдено, и нет преград никаких. Сегодня кубист, завтра абстракционист...

– Но это же надо уметь.

– Не более того, что умеет хороший художник. Ты думаешь, Матисс хуже Пикассо рисовал? Лучше! Посмотри его академические работы, графику. Но он как червяк полз в одном направлении и был, в сущности, блестящим старым мастером.

– А Пикассо, значит, мастером не был?!

– Не был.

– Глупости. Был он мастером, и ещё каким!

– Пикассо сделал гораздо больше, чем рядовой мастер. Он изменил принципиально сложившийся в девятнадцатом веке эстетизм, научил художников свободе, подлинной свободе. Подобного действительно никто не сделал... это, дорогой мой, и есть подлинное, не на что не по... фу, чёрт, что это?

Новицкий пугливо отстранился от ложечки, провёл рукой по губам и, открыв рот, вытянул из него длинный волос с приставшими крошками нормы.

Аккуратов допил чай, смахнул капли с бороды, усмехнулся:

– Сюрприз.

– Ниточка Ариадны. Длинный, чёрт...

Двумя пальцами Новицкий снял с волоса крошки, отправил в рот. Потом скатал волос в чёрный комочек и кинул прочь.

Комочек неслышно упал на пол.

– А может, тогда ко мне на хазу? – Васька достал горсть мелочи, стал искать двушку.

– А что, у меня хуёвей, что ль? – улыбнулся Милок. – Такая же двухкомнатная.

– Ну, у тебя сосед...

– Да какие соседи, ты что? Это ты с Гришкой путаешь. У меня отдельная давно.

– Аааа... Что-то я... действительно... во, две двушки... звони... или, может, мне?

– Давай я. Я ж её лучше знаю.

– Вон автомат освободился.

Подошли к крайнему автомату, из которого выбежал худощавый парень.

– Чо, не работает, пацан? – окликнул его Милок.

– Работает.

Зашли в будку, Васька притворил дверь.

Милок достал записную книжку, раскрыл:

– Так... Лэ... Лена.

Васька вставил монету, передал Милку трубку.

Милок набрал номер, откашлялся.

Монета провалилась. Милок прикрыл трубку ладонью:

– Але! Это кто? Лена? Леночка, привет! Это Толя говорит. Как дела-то? Да? Обидно...

А чего ж ты в четверг не сказала? Не знала... ну, ничего. Завтра так завтра. Да. Ага. Серьёзно? Ясно. Слушай, а как её зовут? Рая? Хорошее имя. Ну, ладно. Значит, завтра в семь? В семь. Да... конечно, о чём ты говоришь... Ладно... От Василия привет. Ага. Ну, будь...

Он повесил трубку.

Васька мял в губах незажжённую папиросу:

– Динамо?

– Ага. Подружка не может сегодня.

– Ёпт... так и думал. А послезавтра мне к семи на работу.

– Ну, что ж поделаешь. Они тоже не привязанные...

Вышли из будки, закурили.

Милок сплюнул:

– Ничего. Слаще ебать будет. Никуда не денутся.

– Да это понятно. Просто сегодня я б на завтра не суеился. А завтра хуже...

Сошли с платформы, двинулись вдоль полотна.

Васька достал из авоськи две нормы:

– Бери, сжуём по дороге.

Распечатали, стали жевать, перемежая с курением.

Милок усмехнулся:

– А Райку эту я знаю, наверно.

– Знаешь?

– Ну, видать не видел, но знаю. Ленка давно рассказывала, я щас вспомнил. Она с ней одно время в столовой вместе работала. Райка в ГУМе в сортире фарцевала помадой да колготками. Вот. И мусор замёл её однажды. Такси подогнал и в отделение повёз. А ночь уже. Они на заднее сиденье сели. Едут, а Райка хуяк руку ему на колено. Едут, ничего. Она дальше. Он сидит как ни в чём не бывало. Она ему ширинку расстегнула, головой на колени легла и давай хуй насасывать.

– Ёпт!

– Отделение где-то рядом было, а он шофёру говорит – по Садовому. Ну и пока они кругалась давали, она уж молофьи наглоталась вдоволь. Раза два кончил.

– Вафлистка, бля...

– Ага. А потом он адрес её узнал и на своей на казённой с приятелем подваливал. Ебли её по-разному и катались так же вот. Вообще культурно отдыхали.

– Сообразительные, бля. Только так и врезаться можно.

– Да нет. Один ведёт, а другой сзади с ней. А ей хоть бы хуй. стакан ебанула, и море по колено.

– Отчаянная баба. Люблю таких. С ними хоть сопли на кулак мотать не надо... А как внешне, ничего?

– Ленка говорит – ничего...

Милок дожевывал норму, выбросил пакетик.

Васька остатки своей швырнул в канаву:

– Один песок, бля. На зубах так и скрипит...

– А у меня ничего вроде...

– Так ты из интерната получаешь, ещё бы...

Спускаясь по лестнице, Соня взяла Василия под руку:

– Вообще, говорят, это у них лучший спектакль.

– Что, лучше «Гамлета»?

– Лучше, конечно! Сашка говорит – они там все почти заняты и выкладываются будь здоров!

Василий придержал дверь подъезда, Аня прошла.

Он вышел следом.

Аня огляделась, сунула руки в карманы пальто:

– Уже темно...

– А долго спектакль идёт?

– Не знаю. Кажется, три отделения.

– Долго.

– Там, Сашка говорил, время мгновенно летит.

– Высоцкий играет?

– Нет, кажется. Там Смехов, Славина, ну и все остальные.

– Демидовой нет?

– Не знаю.

Перешли через улицу.

Аня махнула рукой в сторону парка:

– Давай тут пройдем? Короче ведь.

– А куда спешить? У нас час в запасе.

– Там лучше.

– Пошли.

Обогнули угловой дом, вышли к парку.

Возле светящегося пивного киоска толпились несколько человек.

Аня подняла липовую ветку с четырьмя жёлтыми листьями, помахивая ею, пошла чуть впереди Василия:

– Вообще у них с «Мастером» сложности были. Им денег не выделили, и они весь реквизит из разных спектаклей взяли. Из «Часа пик» – маятник, из «Гамлета» – занавес, из «Зорь» – машину.

Василий улыбнулся, вытащил из кармана норму и стал распечатывать:

– Так это крошка получается.

– Вась! Ну ты же не видел ещё, а критикуешь.

– Я ещё не критикую... А кто Маргариту играет?

– Шацкая. Она там голая на балу сидит.

Василий вынул часть нормы из пакетика, откусил, усмехнувшись.

– Да... ради этого стоит пойти.

– Дурачок ты. – Аня бросила ветку. – Люди новое делают, а ты издеваешься.

– Этому новому, Анечка, уже почти полвека. «Таганка» для нас новой кажется потому, что мы больше ничего не видим. Только наше полное невежество позволяет нам называть их авангардом.

– Чьё это наше?

– Наше. «Таганка» мимикрирует под авангард, в сущности оставаясь вполне обычным культурно-просветительным заведением. Все их формальные приёмы затасканы и не новы. То, что разрабатывал Мейерхольд полвека назад, они берут на вооружение. А сегодняшний авангард, милая моя, авангард в полном смысле слова, это прежде всего вопрос содержания. И это новое содержание сразу диктует новую форму. Тут обратная связь. А у них содержание советское.

– Ну это ты слишком...

– По-моему «Таганка» из всех наших театров самый рутинный. Она научилась готовить соус, под которым всё пойдёт на «ура». Даже «Малая Земля».

Аня взяла его под руку:

– Ты, Васенька, у меня сегодня шибко злой и шибко умный.

Василий умехнулся, скомкал пакетик из-под нормы:

– Я, Аня, злым бываю, только когда не поем вовремя...

– А умным?

– Когда ты мне в попку даёшь.

– Хам...

– Здесь, что ли? – Таксист сбавил скорость.

– Ага, тут. – Заяц поспешно докурив сигарету, приоткрыл треугольное окошко и выбросил. – Щас свернём, тут недалеко. Километра два.

– А что там, посёлок?

– Не посёлок, а городок.

Свернули с шоссе, поехали медленней.

Дождь по-прежнему шёл, «дворники» монотонно размазывали капли по стеклу. Узкая, плохо заасфальтированная дорога стелилась под фары. Мелькавшие справа кусты кончились, из темноты выплыли два кургузых стога.

– Что тут, поля, что ли?

– Ага. Совхоз, ясное дело. – Заяц расстегнул молнию куртки и усмехнулся. – Еле убрали в этом году.

– Что, дождь мешал?

– А им всегда что-то мешает.

– Точно. Я вон как к тётке ни поеду, всё у них или картошка помёрзнет, или телята подохнут.

– Далеко тётка живёт?

– Под Курском.

– Порядочно...

– Ага. А то однажды ферма сгорела. Двое мужиков напились и сожгли. И сами сгорели... слушай, ну где твой городок-то?

– Да вот щас поворот... Ну-ка притормози, не проехать бы...

Шофёр затормозил, Заяц быстро сунул руку за отворот куртки, повернулся к нему и ударил кастетом в висок.

Голова шофёра стукнулась о стекло.

Заяц ударил снова. Шофёр ткнулся лицом в руль.

Неловко размахнувшись, Заяц ударил его торцом кастета по затылку и потянул к себе.

Голова таксиста бессильно болталась. Заяц потянул сильнее. Обмякшее тело повалилось ему на колени. Содрав с руки кастет, он перевалил таксиста к себе. А сам, перебравшись через него, сел за руль, выправил сползшую с дороги машину и погнал дальше.

Метров через триста чернотой встал по бокам дороги высокий еловый лес, показался поворот.

Заяц свернул, выключил фары и тихо поехал по грунтовой дороге.

Шофёр неподвижно лежал рядом – ногами и задом на сиденье, головой на полу.

Проехал немного, Заяц свернул на поляну, провёл машину меж двумя елями и остановился за кустами.

Помедлив минуту, вышел, осмотрелся и, обойдя «Волгу», выволок шофёра. Достав фонарик, осветил. Остекленевшие глаза таксиста были полуприкрыты, в волосах поблёскивала кровь.

Заяц обшарил его карманы, вынул деньги, зажигалку, ключи. Деньги спрятал, зажигалку и ключи зашвырнул в лес.

Потом, подхватив труп под мышки, поволок.

Мелкий дождь продолжал моросить, с потревоженных кустов текла вода.

Ноги таксиста волочились по переросшей мокрой траве.

Заяц ткнулся задом в ствол ели, выругался и, подтянув таксиста под раскидистый куст, бросил. Руки трупа раскинулись в траве. Заяц выпрямился и несколько раз ударил его ногой в голову. Потом расстегнул ширинку и помочился.

С ели слетела какая-то птица, захлопала тяжёлыми крыльями. Сторонясь кустов, Заяц вернулся к «Волге», включил свет в салоне. Он достал из кармана кастет, повертел перед глазами. Кастет оказался чистым.

Заяц открыл бардачок, вытащил пачку документов, поднёс к глазам:

– Монюков... Виктор Иванович... так... девятый таксопарк...

Полистав документы, Заяц сунул их обратно, вытащил оттуда же грязную тряпку, плюя на неё, вытер кровь с сиденья, выбросил в окно.

Возле ручки скоростей на пластмассовой коробке с мелочью лежала смятая фуражка таксиста.

Заяц поднял её. Из фуражки с шуршанием выпал пакетик с недоеденной нормой. Заяц повертел в руках норму, понюхал:

– Вон что, бя...

Положил пакетик в фуражку и швырнул за окно. Потом завёл мотор, задом вырулил на просёлочную, проехал, оглядевшись, свернул на шоссе и погнал, включив фары.

Дождь перестал.

У поворота на Минское шоссе встретился грузовик. Пригнувшись к рулю, Заяц вырулил на Минское и понёсся к Москве.

В коробке с мелочью лежало круглое карманное зеркальце. Придерживая руль, Заяц поднял его, посмотрел на себя. Из зеркальца глянуло широкоскулое небритое лицо с небрежно зашитой заячьей губой.

– Так, может, убрать второй абзац? – спросил Куликов, снимая очки.

– Да нет, Алексей Михалыч. Тут убирай не убирай, ничего же не изменится, – поморщился Бондаренко. – Я же говорю, он прочёл когда главу, вообще, говорит, а нужна ли она?

– Ну, это не разговор.

– Тем не менее...

– Тогда всё менять, всю фабулу, что ли? Это же немыслимо.

– Мыслимо, немыслимо... – пробормотал Бондаренко, посмотрел на часы. – Ой-ей-ей...

Засиделись мы с вами.

Часы показывали десять минут седьмого.

– Ну, а что ж делать?

– Не знаю. Я б на вашем месте всё-таки поработал над главой. Целиком.

– А смысл? Это же меняет содержание романа. Что ж, Борисова выкидывать, а Елецких из простых инженеров в зам. нач. цеха переводить?

– Ну, зачем такие крайности? Дело не в том, кем работает Елецких, а как он к завкому и парткому относится.

– Но он не может иначе, Виктор Юрьевич! У него ведь характер такой! Начальник литейного цеха делает приписки, а ОТК ему потворствует!

– Правильно, но почему Елецких не пойдёт сразу в партком и громко не расскажет обо всём?

– Да потому, что рыцарь-одиночка он! Молодой специалист, без малого год на заводе! У него за плечами десятилетка и СТАНКИН! Тем более он ведь ещё не член партии. Во второй части он вступает, но сейчас он совсем по-другому подходит к производственным проблемам. Я же сам таким был, когда на Кировском начинал...

– Но он и в бюро комсомола не сказал ничего. Сразу кинулся на Ерёмина. Я не говорю, что он не имеет право ударить очковтирателя, безусловно имеет, но ковбои нам ведь не нужны.

– Виктор Юрьич, но не всё сразу, пойдёт он в партком и в...

Дверь скрипнула, вошла Графт, улыбаясь, положила толстую папку на стол Бондаренко:

– Извините. Вот, это Баруздин. Еле доволокла. За недельку одолеешь?

– Побачимо. – Бондаренко ответно улыбнулся, кивнул на её шаль. – Что, мёрзнешь?

– А у нас весь конец мёрзнет.

– Так вроде не холодно ещё.

– Тем не менее.

Графт поправила шаль и вышла.

Куликов барабанил по столу.

Бондаренко вздохнул:

– Знаете что, Алексей Михалыч, давайте так договоримся. Вы всё менять не будете, но поработаете над сценой с Ерёминым и над разговором в раздевалке... Беркутову причешите, пожалуйста, что это, ей-богу, публичный дом в общежитии... это не надо... Договорились?

– Попробую.

– Дня за четыре успеете?

– За недельку.

– Ладно. Вот. А тогда уж мы по второму заходу к шефу...

Бондаренко выдвинул ящик стола, достал завёрнутую в бумагу норму и стал есть, держа перед собой. Отвислые щеки его ритмично задвигались.

Куликов убрал рукопись в портфель, встал:

– Тогда я в четверг звоню вам.

– Да можете сразу приезжать утречком. Я буду.

– Ладно. – Куликов подошёл к двери, обернулся: – Вы вот норму едите, а я вспомнил, как мы с Чеготаевым пришли в «Новый мир». К Твардовскому. Он при нас норму вытащил, тогда они ведь поменьше были, так вот, норму, значит, вытащил и бутылку с коньяком. Нам по стопке налил, а сам раз куснёт – стопку опрокинет, другой – и снова стопку. Так полбутыли выпил.

Бондаренко улыбнулся, закивал:

– Да я знаю. У нас ребята тоже видели не раз. Он ведь её всегда на работе ел.

– Домой не возил?

– Никогда. Да что Твардовский, Гамзатов вон вообще её на шампур, вперемешку с шашлыком. Жарит и ест, «Хванчкарой» запивает.

– Восточный человек. – Куликов засмеялся, взялся за ручку. – Ну так до четверга?

– До четверга. Всего доброго.

– До свидания, Виктор Юрьевич.

– Только не оправдывайся, ради бога. – Лещинский поднял две ладони и поморщился.

– Да я не оправдываюсь, Леонид Яковлевич, – устало улыбнулся Калманович. – Просто действительно я ведь первый раз с ним...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.